

СТАТЬИ

О. Н. Трубачев

ИЗ СЛАВЯНО-ИРАНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Эта работа не ставит перед собой цели рассмотрения славяно-иранских лексических (и тем более — языковых) отношений во всей полноте, что дает нам известную свободу, необходимую для того, чтобы сосредоточиться на, возможно, подробном изложении

инд. *bhrūṇá-* 'зародыш', лтш. *braūna* 'чешуя, шелуха, рубашка (в которой иногда рождаются дети)', чеш. *brnka* 'послед' в границах словопроизводной активности одного исходного и.-е. **bher-* 'нести, приносить (на свет); рожать', ср. гот. *baíran* и др.²

42. СЛАВ. *dvigati*

известно во всех славянских языках. Этимологически это очень трудное слово, во всяком случае, если судить по имеющимся в литературе объяснениям, которые все без исключения сомнительны в высшей степени³. Когда одинаково безнадежны различные этимологии, а дальнейшее умножение числа попыток этимологизации не выводит исследование слова из тупика, уместно задуматься, верны ли отправные посылки этимологий этого слова. В такой ситуации наиболее уязвима обычно семасиологическая сторона, поскольку именно семасиологическая концепция этимолога влияет затем на его выбор из числа доступных ему фонетико-морфологических ассоциаций и сближений в каждом конкретном случае. Имея в виду прежде всего эту ответственность реконструкции семантической истории слова, обратимся к пересмотру исследований праслав. **dvigati*. Дело в том, что известные этимологии **dvigati*, при всех своих коренных различиях, имеют общую семантическую базу, исходят из значения 'двигать, передвигать, перемещать'. Таковы предпринимавшиеся с разными натяжками старые и новые сближения **dvigati* с др.-в.-нем. *zwangan* 'колоть, щипать', ирл. *dedaig* 'oppressit', с предлогом и.-е. **ad* и др.-инд. *vējate* 'спеши', авест. *vaeg-* 'махать', греч. οἴωμι 'открываю', др.-в.-нем. *wihhan* 'трогать', др.-исл. *vīkia* 'двигаться', а также мысль о заимствовании праслав. **dvigati* из гот. *du-wigan* 'двигать', родственного нем. *be-wegen*⁴. Особенно последняя этимология основывается на молчаливом убеждении, что первоначальным и исконным значением праслав. **dvigati* было 'двигать, перемещать (в горизонтальной плоскости)'. Однако уже беглое ознакомление с засвидетельствованным семантическим содержанием продолжений праслав. **dvigati* по отдельным языкам показывает ошибочность этого убеждения. В значительной части славянских языков продолжения **dvigati* выступают в значении 'поднимать', а не 'двигать горизонтально' и тем более не 'дви-

² См.: F. Specht. Ursprung der indogermanischen Deklination. 2. Aufl. Göttingen, 1947, стр. 148 (без славянских и украинского слов); о чеш. *brnka* см. еще: V. Machek. Etymologický slovník..., (т.) 44.

³ См.: Вегнекер I, стр. 240—241; Преображенский I, стр. 175; V asner I, стр. 330—331.

⁴ См.: В. В. Мартынов. Гото-славянское лексическое взаимопроизношение. — «Тези доповідей V міжвузівської республіканської славистичної конференції». Ужгород, 1962, стр. 11.

гать вообще'. Так, значение 'поднимать' представлено у этого глагола в польском, чешском, словацком, лужицких, сербско-хорватском, болгарском. Конечно, могут возразить, что значение 'поднимать' могло явиться у **dvigati*, **dvignqti* вторично тогда как значение 'двигать, перемещать' здесь исконно, ср. ст.-слав., ц.-слав. дѣгати, дѣзати, дѣгнѣти 'двигать, двинуть, поведе, κινῆσαι'. Но это мнение в общем не трудно уличить в ошибочности. Вескими аргументами в пользу точки зрения согласной которой **dvigati* исконно означало 'поднимать', затем на части славянской территории получило значение 'двигать', служат свидетельства отдельных сложений и производных с этой основой. Общим положением словообразовательно-этимологического и семантического анализа (если говорить в первую очередь о внутренних резервах реконструкции) можно считать первостепенную важность значений сложений и производных в вопросе восстановления первоначального значения самой основы. Мы имеем в виду лучшую сохранность древнего значения, которая характеризует обычно именно производные и прочие связанные формы основы сравнительно с ее непроемной формой. Так, нам представляется, что ст.-слав., ц.-слав. подѣгъ, подѣгнѣти, подѣгнѣти *сд* содержат в своих значениях и примерах словоупотребления ясное указание на движение вверх, подъем, поднятие; подѣзати соответствует, например, греч. φέρειν 'нести' (Срезн. II, стб. 1034). В диалектах восточного Полесья часть сохи, дубовая развилка, подпиральная одним своим концом правую полицу, называется, по свидетельству Мошинского, *podvih*⁵. Наконец, мысль о возможности семантической эволюции **dvigati* 'поднимать' > 'двигать вообще, перемещать по горизонтали' находит подтверждение в наблюдениях над некоторыми внешними аналогиями, ср., например, др.-в.-нем. *reisa* 'отправление, поездка', нем. *reisen* 'ездить, путешествовать' — иными словами, 'двигаться вообще' — при, очевидно, более старых значениях гот. *urrisan* 'вставать', англ. *rise* 'подниматься вставать'.

Резюмируя изложенное выше, мы можем сказать, что мнение о семантической эволюции праслав. **dvigati* 'поднимать' > 'двигать вообще' опирается на три аргумента: 1) наличие значения 'поднимать' у продолжений праслав. **dvigati* в значительной части славянских языков; 2) наличие значений, родственных 'поднимать', у производных и сложений с основой **dvi-* в других славянских языках; 3) некоторые общие наблюдения над семантической эволюцией глаголов 'двигать(ся)'.
 Теперь об этимологии праслав. **dvigati*. В свете семантической реконструкции последнего, приведшей нас к древнему праславянскому значению 'двигать вверх, поднимать', и указаний отдельных

⁵ K. Moszyński. Polesie wschodnie. Warszawa, 1928, стр. 58.

современных диалектных форм, например полесск. *řdřwih* 'дубовая развилка, подпорка', мы можем понять праслав. **dvigati* как отыменный глагол, образованный от существительного **dvigъ* 'развилка, разветвленная ветка'. То, что такая ветка могла использоваться как подпорка или рычаг, объяснит нам реальную сторону образования **dvigъ* > **dvigati* 'поднимать'. Праслав. **dvigъ* точно соответствует нем. *Zweig* 'ветка' и другим родственным германским, восходящим вместе с прасл. **dvigъ* к и.-е. **duīgho-s*/*duīgho-s*, собственно **du-i-gh-o-s*, производное от и.-е. **duōb* 'два'. Любая ветвь образует с основным стволом парную развилку, поэтому мотивы такого названия вполне ясны. Прекрасную семантическую аналогию отношению праслав. **dvigъ* 'ветка, развилка': **dvigati* 'поднимать' можно указать в словц. диал. *posoiť* 'sa' 'подняться', *soiť* 'поднимать': *socha* 'развилка' (см. Machek, стр. 463).

43. РУССК. *реполов* И ВОПРОС ОТРАЖЕНИЯ ПРАСЛАВ. **reřpъ* В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ

У слова *реполов* не было собственной этимологии, причиной чего служило ощущение прозрачности его структуры. В соответствии с этим слово членили как сложение *репо-лов* (см. Vasterg REW II, стр. 514). Однако достаточно несколько подольше присмотреться к этому слову, чтобы задуматься над справедливостью такого понимания или восприятия. Мы постараемся показать, что ощущение прозрачности структуры в данном случае ложно и может быть классифицировано как одна из разновидностей народной этимологии. *Реполов*, согласно Далю, — *реполов* или *репел* м. 'одна из певчих птишек, *Sylvia rubecola*' (Даль² IV, стр. 123). Об этой птичке, которую называют еще коноплянкой, известно, что она относится к семейству вьюрковых, питается зерном, имеет пестрое оперение, небольшой черноватый хвостик, отличается веселым нравом, распространена во всей Европейской России⁶. Уже в свете хотя бы одних только этих данных прозрачность сложения *репо-лов* скорее вводит нас в заблуждение, чем дает какую-либо информацию, а связь с репой выглядит абсурдной. К счастью, перед нами, по-видимому, наиболее легко обнаружимый вид народной этимологии — осмысление без реально-логической мотивации, поскольку внешняя связь с репой опровергается сведениями об обозначающей реалии, птичке *Sylvia rubecola*. Дальнейшая проверка лингвистической стороны вопроса позволяет найти довольно близко лежащие, сугубо внутренние данные, вполне отводящие связь с *репа* как вторичную. Это прежде

⁶ Ф. Ф. Остапов. Певчие птицы нашей Родины. М., 1960, стр. 52—55.

всего — варианты названия птицы: *репел* (Даль), *реполиха* 'самка реполова'. Цезура словопроизводного членения формы *реполов* в свете этих показаний перемещается: не *репо-лов*, а *репол-ов*. Уже одни эти данные довольно авторитетно говорят о том, что основой слова следует считать *репел-/репол-*. Прежде чем перейти к этимологии, необходимо учесть все, что известно по истории нашего названия птицы. Прямыми свидетельствами о древнерусских формах современного слова *реполов*, *репел* мы, к сожалению, не располагаем, однако есть достаточно косвенных указаний, причем важных для новой этимологии названия птицы. Мы имеем в виду княжескую фамилию *Ряполовский*, неоднократно встречающуюся в русских летописях, ср. следующие примеры: и послѣ того князь Феодоръ Семеновичъ Хрипунъ Ряполовский билъ Татаръ на Волзѣ, іюня 4... (Софійская I летопись под 1469 г. — ПСРЛ, т. 5. СПб., 1851, стр. 275); царь же Магамедъ Аминъ Казаньскій отпусти воеводу великого князя из Казани, князя Семена Ивановичя Ряполовского... (Софійская I летопись под 1495 г. — ПСРЛ, т. 6. СПб., 1853, стр. 40). В этих и во многих других примерах упоминания этой фамилии в XV в. абсолютно последовательно соблюдается такая черта, как отражение вокализма [a]: *Ряполовский*. Названная древнерусская фамилия интересна для нас в двух по крайней мере отношениях: во-первых, не оставляет сомнений ее родство с современным апеллативом *реполов*, *репел*, а во-вторых, древний корневой вокализм основы *ряпол-* в фамилии *Ряполовский* окончательно кладет конец внешне очевидному сближению *реполов*: *репа* и направляет наши дальнейшие этимологические поиски по иному пути. Так, мы считаем возможным производить современное название *реполов*, *репел* из старого **ряпол*, **ряпел*. Эта последняя форма продолжает, по нашему мнению, более древнее имя **rępelъ*/**rępolъ*, образованное с суффиксом *-el-/ol-* от праслав. **rępъ*/**rępъ* 'хвост'. Праслав. **rępъ*/**rępъ* известно по своим продолжениям в западно- и южнославянских языках, ср. польск. *rzęp* (род. *rzępia*) 'копчик', с.-хорв. *ręp* 'хвост', в.-луж. *rjar* 'спиной хребет'. До сих пор мы как будто не располагали материалом для того, чтобы утверждать, что и в восточнославянских языках сохранились следы праслав. **rępъ* 'хвост'. С того момента, как перед нами встает описанная выше возможность этимологизации слова *реполов*, *репел*, ставится вопрос о реальном наличии также восточнославянских форм от праслав. **rępъ* 'хвост'.

Кстати, о первоначальном семантическом наполнении, этимологии и реально-семантическом субстрате праслав. **rępъ*. Это уточнение необходимо ввиду многочисленности названий хвостов, лексем со значением 'хвост' в праславянском. Мы можем попытаться уяснить себе место лексемы **rępъ* 'хвост' среди прочих названий хвостов, каковы, например, **xvostъ* (русск.

хвост и родственные), **obgonъ* (польск. *ogon*), **obpašь(ka)* > болг. *opáшка*, **otjašъ* (чеш. *ocas*). Праслав. **rępъ*/**rępъ* не было абсолютным синонимом всех прочих названий хвостов, но означало, вероятно, короткий хвост, обрубок хвоста, сам хвост как продолжение позвоночного столба, без шерсти и волос, ср. значение польск. *rzęp* 'копчик', а также вероятную этимологию праслав. **rępъ*, которое, очевидно, родственно праслав. **rębiti* (русск. *рубить*) — с иным губным расширителем -b-, а также нем. *Rumpf* 'туловище'. Праслав. **rępъ* обозначало тем самым первоначально лишь основание хвоста или короткий хвост, но во всяком случае не опушку хвоста, т. е. не то, чем машут (праслав. **xvostъ*, **obgonъ* и др.). Семантическая реконструкция и этимология праслав. **rępъ* как будто соответствуют тому, что известно о репове, этой птичке с явно небольшим хвостиком. Дальнейших мотивов обозначения лексемой **rępelъ*/**rępolъ* именно птички *Sylvia tubecola* мы не можем да и не чувствуем себя обязанными доискиваться здесь; разумеется, данное название так же произвольно — в известных пределах, — как и всякий другой акт номинации в языке. Кстати, курьезнейшее по формальной полноте соответствие нашему прарусск. **rępolъ*, **rępelъ* мы имеем в польск. *rzępoła* 'тот, кто пиликает, скверно играет (на скрипке)', которое еще Брюкнер связал с *rzęp* 'копчик, зад'⁷. Экспрессивная мотивация, различимая в польском слове, могла иметь место и в русском, столь близком к польскому, при всем их семантическом различии.

Итак, *репов*, *репел* отражают праслав. **rępъ*. Единственные ли это продолжения праславянского слова в восточнославянских, в русском? — Вполне возможно, что нет. Обратим внимание, во-первых, на русск. *репица* 'хвост позвоночного животного, кроме шерсти и волосу; вся связь хвостовых косточек, продолжение позвонков' (Даль², IV, стр. 123). Как видим, близость значения русск. *репица* и польск. *rzęp*, в.-луж. *rjar* очень велика. Отклонения в вокализме — *репица* вместо ожидаемого **ряпица* — представляются нам в любом случае вторичными, хотя мотивы и условия их еще недостаточно ясны. Во-вторых, к числу восточнославянских, русских следов праслав. **rępъ* можно отнести, вероятно, местное название *Урюпинск*, точнее — лежащее в его основе древнерусское личное собственное имя **Урюпа* (посредствующее звено — фамилия *Урюпин*?)⁸. Здесь наступает момент, когда, говоря о рефлексах праслав. **rępъ* в русском, мы вынуждены, правда, на очень короткое время, отвлечься в область апофонии. Это вызвано необходимостью

⁷ В Гйскперг, стр. 474.

⁸ В «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупинова (СПб., 1903, стр. 410) мы, действительно, находим имя *Урюпа*, черныбыльский мещанин (1552 г.). Эта белорусская форма (Черныбыль!) может отражать как **Урюпа*, так и **Урюпа*.

мундж. *pil-* 'выпускать газы', пушту *worai* (< **wāhryt-*) 'лето', парачи *sahōk* 'заяц', ормури *hōnd* 'слепой', в центральных диалектах — *wač-* 'говорить' и многие другие»¹³. Отметим, что уже в этом кратком иллюстративном перечне некоторые слова — архаизмы это или инновации — имеют точные соответствия в славянском, балтийском, германском.

Возвращаясь к началу наших вводных рассуждений, мы можем на основании сказанного сформулировать традиционную постановку проблемы славяно-иранских лексических отношений как своего рода парное противостояние: монолитный славянский — монолитный иранский Северного Причерноморья. Как нам кажется, эта постановка славяно-иранской проблемы нуждается сейчас в пересмотре. В методологическом отношении должны быть разработаны новые аспекты славяно-иранских отношений и лексических связей, необходимы поиски с целью уточнения и конкретизации различных аспектов связей отдельных групп праславянских диалектов с иранскими диалектами. Рассмотрение славяно-иранских языковых отношений должно быть перенесено из традиционного общеславянского плана в план праславянской диалектологии и лингвистической географии. О том, что это не только благие пожелания, лишенные пока основы и возможности реализации, говорит, как мы постараемся показать в нескольких нижеследующих разделах работы, кроме ярко региональных новых примеров, также очевидное уже на первых порах разнообразие географического распространения так называемых «общеславянских» иранизмов, которые на деле часто оказываются элементами регионального, диалектного распространения. Актуальной задачей изучения славяно-иранских лексических (и вообще языковых) отношений является расширение привлекаемого материала — праславянской диалектной лексики, ономастики (в частности, антропонимии). Это последнее требование в неменьшей степени относится к иранскому материалу славяно-иранских лексических сближений, который желательнее пополнять из всех доступных новых источников, проверяя и дополняя данные Авесты и в целом — древнеиранского по возможности восточноиранскими в собственном

стоятельных проблем, как лингвистические и лексические связи . . .

логии, для которой, к сожалению, вера была более характерна, нежели знание. Так как внеязыковая сфера стоит в тесной связи со значением слова, до сих пор не представлялось возможным перенести семантику полностью в чисто языковой план и описывать семантические явления как независимые от субъективности исследователя. Однако делались попытки создать определенные объективные критерии внутри семантики, семантические законы или тенденции, или описывать семантические явления как члены семантического поля, определяющего значения отдельных компонентов. Однако пройдет еще много времени, прежде чем можно будет установить какую-либо общую систему с возможностью контроля в семантике; вместо этого приходится следовать некоторым определенным линиям, которые постепенно можно будет привести к более стройной зависимости.

Что касается этимологизации с привлечением семантического поля, иногда бывает полезно применить взаимную мотивированность слов в качестве контрольного фактора. Чем больше обнаруженная мотивированность, тем сильнее доводы в пользу предложенной семантико-этимологии. Это особенно верно, когда дело касается определения конкретной основы абстрактного значения.

В древнерусском языке нередко встречаются слова, этимология которых не вызывает затруднений, и на ее основе устанавливается приблизительное значение. Изучение семантической истории таких слов рисует, однако, другую картину их значений и развития значений, что одновременно ведет к восполнению их этимологии. Древнерусский словарный запас с семантической стороны не исследован основательно, и это во многих случаях зависит от такой банальной причины, как отсутствие в течение долгого времени надежных и легко доступных изданий древнерусских текстов. Правда, в последние годы было много сделано для устранения этого недостатка, но движущей силой в этом направлении был не лингвистический интерес, а историко-экономические или историко-социальные соображения.

Мы выбрали несколько древнерусских слов, принадлежащих к определенному кругу значений, исследовали их семантико-этимологию и в особенности обращали внимание на их взаимную семантическую мотивированность.

Погрѣнути, которое обычно переводится как 'предать забвению'³, насколько мы могли установить, уникально, так как встречается только в древнерусском языке, и только в двух различных контекстах⁴. Существование этого глагола, однако, не вызывает никаких сомнений, если сличить его формально и по значению с древнерусским существительным *погрѣбъ* в одном

³ Срезневский II, под словом *погрѣнѣти*.

⁴ Срезневский II и Картотека Древнерусского словаря Института русского языка АН СССР, Москва.

из его значений, а именно 'забвение'. Это значение слова *погребъ* не обычно в древнерусском, а ограничивается одной группой текстов, а именно междукняжескими договорными грамотами XIV—XV вв. Срезневский формально истолковывает *погренути* как *погребнути*, ссылаясь на вышеупомянутое *погребъ*, которое, кроме того, означает 'похороны', и глагол *погрести*, имеющий значения: '1. зарыть, скрыть; 2. похоронить; 3. положить; 4. погребсти, уничтожить'⁵. Подобные мысли высказывал уже Даль, хотя он под знаком вопроса отнес *погренути* 'не попомнить, предать забвению' к *погрести* 'предавать земле, зарывать, закапывать, хоронить, отправлять похороны со всѣми обрядами'⁶. Хотя против формального соединения, с одной стороны, *погренути*, *погребъ* и, с другой стороны, *погрести*, *погребъ* нечего возразить, возникает, однако, проблема семантического порядка: как совместить появляющееся только в русском языке значение 'предать забвению, забыть' — с первоначальным корневым значением в славянском *grebo* 'greifen (raffen); harken; rudern; schargen, kratzen (kämnen), graben'⁷?

Так как примеры как с *погренути*, так и *погребъ* (в значении 'забвение') очень немногочисленны, неизбежно возникает вопрос: как могли установить особые значения 'предать забвению' или 'забвение'? Насколько мы могли разузнать, значение 'забвение' в слове *погребъ* появляется впервые у Карамзина⁸, и это значение затем повторяется в обычных словарях и справочниках и до наших дней⁹. Однако Карамзин не дает пояснения к значению 'забвение'. *Погренути* в значении 'предать забвению' мы нашли зафиксированным в словаре 1847 г., но без какого-либо дальнейшего комментария¹⁰. Однако кажется

⁵ 'Положить', конечно, не является каким-то новым значением *погрети*, а лишь результатом перевода в другую семантическую систему (ср.: E. Benveniste. — «Word» 10, 1954, стр. 252, § 3). Срезневский цитирует пример: съзъмъши жена погребѣ въ мѣчныхихъ ситѣхъ трѣхъ. Мтф. 13:33 из Юрьевского евангелия. *Погребе* соответствует в Маринском четвероевангелии *съкры*, которое является переводом греч. ἐνέχυρεν. Срезневский позаимствовал 'положить' из русского перевода Библии.

⁶ Даль III, под словом *погренути*, соотв. *погребать*.

⁷ Вегнекер под словом *grebo* 1 и 2.

⁸ Н. М. Карамзин. Исторія Государства Россійскаго, I—XII. Изд. 2-е. СПб., 1818—1828 (далее — ИГР), V, примеч. 35, стр. 18: «погребъ (предается забвенію)».

⁹ Кроме словарей Даля и Срезневского, см., например, «Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка», сост. Вторымъ отд. имп. Академіи наукъ. СПб., 1847 (мы пользовались вторым изданием — I—IV. СПб. 1867—1868, — которое полностью совпадает с первым изданием), III, под словом *погребъ* '... 2) преданіе забвенію'; «Памятники русскаго права» (I. Памятники права киевскаго государства. М., 1952; II. Памятники права феодально-раздробленной Руси. М., 1953. Далее — ПРП), II, стр. 414: *погребъ* ('ковец, забвение').

¹⁰ «Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка», под словом *погренути*.

вероятным, что значение 'предать забвению' (соотв. 'забвение') понималось как абстрагировавшееся из конкретного значения 'похоронить'. Так, например, в словаре под словом *погребъ* стоит на первом месте значение 'погребение', а на втором 'предание забвению'¹¹, и подобная градация соблюдается Далем, который отличает фразу со словом *погребъ* 'забвение' звездочкой, как известно, указывающей на переносное значение¹². Как уже упоминалось, Срезневский дает для *погresti* особое значение — 'погребсти, уничтожить', и в приведенном примере ясно просвечивает первоначальное значение 'похоронить':

Погребльъ юси неприазниныхъ бѣсовъ лаганиа пощениемъ (и) многими мѣтвами (Служебная минея за ноябрь по рукописи Типографской библиотеки 1097 г.)¹³. Хотя греческий текст к этому отрывку отсутствует¹⁴, все равно *погребльъ юси* должно восходить к значению 'похоронить', как показывает продолжение того же отрывка: *оче. мѣртвъ въ гробѣ лежа, и т. д.*¹⁵ В другом из цитированных Срезневским примеров — *Въсе ветъхааго Адама да погребеть въ водѣ* (XIII словъ Григорія Назіанзина по сп. Имп. публичной библ. XI вѣка) — ἐνθάπτειν в греческом тексте подтверждает значение 'похоронить'¹⁶.

В этих примерах, без сомнения, глагол *погresti* имеет переносный смысл, который, так сказать, передает переход от конкретного исходного значения 'похоронить' к специальному переносному значению 'предать забвению' (соотв. 'забвение') в древнерусских словах *погрениuti* и *погребъ*. Известно из многих источников, что конкретное значение 'похоронить' легко приобретает переносный смысл, причем, однако, метафора легко различима. Так, например, в русском языке XIX в. мы находим, что *погresti* 'похоронить' имеет переносное значение 'предать забвению, забыть'.

¹¹ «Словарь церковно-славянского и русского языка», под словом *погребъ*; подобным образом: Срезневский II.

¹² Даль I, стр. 15. В третьем издании слово пишется как *погрѣбъ*.

¹³ Служебная Миней за сентябрь, октябрь и ноябрь. Въ церковно-славянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Трудъ... И. В. Ягича. СПб, 1886 (= «Памятники древнерусскаго языка», т. I), стр. 436.

¹⁴ Там же, стр. 600.

¹⁵ Там же, стр. 436.

¹⁶ В качестве комментария к предложению известного антинорманиста С. А. Гедеонова отождествить др.-русск. *погрениuti* с чеш. *rohndnouti* 'отбросить, презреть' Срезневский еще ранее изложил свои взгляды на этимологию и значение *погрениuti* и *погребъ*: «... и глаголь *погрети* и сущ. *погребъ* употреблялись для обозначенія забвенія прошедшаго. прощенія, и въ этомъ отношеніи слово *погрениuti* можетъ быть считаемо общеславянскимъ» («Замѣчанія о книгѣ С. А. Гедеонова «Варяги и Русь» Академика И. И. Срезневскаго» = «Отчетъ о двадцатомъ присужденіи награды графа Уварова». СПб, 1878, стр. 692).

Забыли русский штык и снег,
Погребший славу их в пустыне (Пушкин, Бородинская годовщина);

Этакой срам, да еще нести его на суд... Надо его *погребсти*, надо совсем забыть этот срамный угар (Салтыков-Щедрин, Письма)¹⁷.

Или пример из старинной хорватской литературы: *Dlžni jesmo... naše grihe nutri i nas umarati, pogresti je, od njih uskrsnuti i ostaviti se* (Postila... štampana v Tobingi 1562)¹⁸ 'Мы должны наши грехи внутри у нас убить, похоронить их, воскреснуть от них и отказаться'.

Этот набросок семантического анализа может с первого взгляда показаться заманчивым, но было бы слишком поспешным применить его к древнерусским словам *погренути* и *погребъ* без предварительного исследования их семантической среды. Указанное развитие значений строится по существу на предположении, что исходным значением слова *погренути* было 'похоронить'. Можно ли доказать, что этот древнерусский глагол имел именно данный смысл? Что касается *погребъ*, это слово, несомненно, обнаруживает значение 'погребение, похороны', но можно ли показать, что это значение находится в прямой связи с тем значением, которое заставляет нас соединять это слово с *погренути*? Важно подчеркнуть, что метафорическое употребление *погренути*, цитированное Срезневским, и *rogrepsti* в древнехорватском относятся исключительно к церковной литературе, а примеры из современного русского языка по своему метафорическому характеру приближаются к более высокому книжному стилю. С другой стороны, древнерусские слова *погренути* и *погребъ* (в значении 'забвение') принадлежат в высшей степени бытовому словарю и по причине объективного характера юридического стиля ни в коем случае не производят впечатления метафорически употребленных. Примеры, приведенные ниже, ясно иллюстрируют деловой стиль. В связи с этими примерами мы обсудим другие, синонимические, переводы слова *погренути*. Существование таких и отсутствие объяснения их происхождения свидетельствуют о том, что первоначальное значение *погренути* или *погребъ* не было ясно.

О мѣсачныхъ рѣзѣ. оже за мало то имати ѣму. заидуть ли са куны. до тогѡ же года. то дадать ѣму куны въ треть а мѣсачныхъ рѣзѣ *погренути*. В этой статье, встречающейся только в пространной редакции Русской Правды и цитируемой по Троицкому списку (XIV в.), *погренути* Срезневским переводится

¹⁷ Эти примеры взяты из «Словаря современного русского литературного языка», т. 10. М., 1960, стр. 195.

¹⁸ RJA X, стр. 424.

как 'предать забвению'. Однако уже в конце XVIII в. эта статья передается следующим образом: «Мѣсячныя росты брать позволяется только за малое число дней, а ежели кто взявъ у кого деньги, изъ платежа мѣсячныхъ ростовъ, на краткое время, продолжить ихъ до другаго года, съ таковаго взыскать третныя росты, а мѣсячныя уничтожить»¹⁹. В комментарии²⁰, как и в «указаніе всѣхъ, находящихся въ сей книгѣ матерій, также словъ и названій древнихъ изъ употребленія вышедшихъ...»²¹, стоит только: *погрѣнѹти* 'отставить, уничтожить'. Нам не представилось возможности установить, на чем основывается Болтин свой перевод, так как мы не нашли *погрѣнѹти* ни в одном словаре того времени²². Другие переводчики и комментаторы Русской Правды повторяют, очевидно, перевод Болтиным слова *погрѣнѹти*, как, например, Довнар-Запольский²³. Встречаются и другие переводы, например 'отвергнуть'²⁴, 'отменить, аннулировать'²⁵, хотя мы не знаем, каким путем получены именно эти варианты.

Даже если в существовании *погрѣнѹти* нет никаких сомнений — это слово существует, кроме того, во множестве других рукописей²⁶, — стоит упомянуть, что в древнейшем списке про странной редакции Русской Правды, так называемом Синодальном списке 1282 г., вместо *погрѣнѹти* стоит *отъгрѣнѹти* (*ѡгрѣнѹти*). Кажется вероятным, что это слово в древнерусском должно было быть *ѡтаѣ λεγόμενον*, отнесенное Карским к «более редким словам»²⁷, хотя возвратные глаголы *отъгрѣнѹтисѧ* 'уда-

¹⁹ Правда Русская или законы великихъ князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха, съ преложеніемъ древняго оныхъ наречія и слога на употребительные нынѣ, и съ объясненіемъ словъ и названій изъ употребленія вышедшихъ. Изданы любителями отечественной исторіи. Печатаны въ Московской Синодальной типографіи 1799 года, стр. 51—52. — Известно, что основная заслуга в создании этой книги, которая, кстати, вышла уже в 1792 г. в Санкт-Петербурге, принадлежит И. Н. Болтину.

²⁰ Там же, стр. 55.

²¹ Там же, стр. X.

²² *Погрѣнѹти* и *погрѣбѹти* отсутствуют в «Словаре Академіи Россійской», ч. I—IV. СПб, 1789—1794.

²³ «а месячный рез *погрѣнѹти*», т. е. счет процентов за месяц уничтожается, см.: М. В. Довнар-Запольский. История русского народного хозяйства. Киев, 1911. За исчислением этой книги, цитата заимствована из Правды Русской, II. Комментарии. М.—Л. 1947 (далее — ПР II), стр. 422.

²⁴ «Кіевская Русь». Сб. подъ редакціей В. Н. Сторожева. Томъ первый 2. М., 1910, стр. 586 : 47.

²⁵ ПР I, стр. 161: *погрѣнѹти* 'уничтожить'; стр. 127 : 51: «а месячный рез аннулируется»; II, стр. 414: *погрѣнѹти* 'отменить, аннулировать'.

²⁶ Ср., например: Н. Калачовъ. Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды. Выпускъ первый 2. СПб, 1880, стр. 139.

²⁷ Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнейшему списку. Л., 1930, стр. 19.

литься, воздержаться' и *огрѣдѣтиса* 'удержаться, удалиться' также встречаются²⁸. Относительно этого слова мы также не всегда знаем, каким образом получались варианты перевода. Хотя у нас нет под рукой работы Раковецкого²⁹, мы знаем, что в этом месте у него стоит *odrzucić*, т. е. 'отбросить'. Хотя он позаимствовал текст из издания Болтина, он использовал также варианты из Синодального списка³⁰. Этот перевод напоминает позднейшие переводы, о чем будет сказано ниже. *Отъгрѣнути* тем не менее было И. Платоновым переведено как 'уничтожить' («а месячные уничтожают») ³¹, что явилось переводом с написанной И. Ф. Г. Эверсом на немецком языке работы («und die monatlichen Zinsen erlöschen») ³².

Единственный, кто, насколько нам известно, пытается поставить перевод слова *отъгрѣнути* на этимологическую почву, это А. Соболевский, сопоставляющий его со словами *съгрѣнути* (Срезневский III, под словом *съгрѣдѣти* 'сбить, сорвать'), *огрѣбатиса* (Срезневский II, под словом *огрѣбатиса* 'удалиться, удерживаться, избегать') и переводящий его как 'отбросить, оставить' ³³. Однако Соболевский не рассматривает ближе семантические взаимоотношения. В тогдашней этимологической науке считалось, что здесь речь идет о другом гнезде слова *greb-* с первоначальным значением 'хватать', в отличие от *greb-* в *погребъ* и др. ³⁴ Гетц последовал толкованию Соболевского и перевел *отгрѣнути* как 'tilgen' ³⁵. Срезневский перевел это слово как 'отринуть, уничтожить' ³⁶, а Карский — как 'отринуть, уничтожить, отбросить, оставить' ³⁷.

Несмотря на то, что некоторые исследователи при взаимном сравнении многочисленных списков пространной редакции Русской Правды склоняются к тому, чтобы отдать предпочтение Синодальному списку ³⁸, все же преобладает мнение, что *погре-*

²⁸ Однако не в собственно древнерусском языке, ср.: Срезневский II, под цитируемыми словами.

²⁹ Rakowiecki. Prawda Ruska... I—II. Warszawa, 1820—1822: «а miesięczne procenta odrzucić». Цит. по ПР II, стр. 419.

³⁰ Н. Калачовъ. Указ. соч., стр. 15.

³¹ И. Платонов. Древнѣйшее русское право въ историческомъ его развитіи. СПб. 1835. Цитата из ПР II, стр. 419.

³² I. F. G. Evers. Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung. Dorpat, 1826, стр. 323. — К этому переводу не дается комментарий.

³³ А. И. Соболевский. Язык Русской Правды. — ЖМНП 1886, 4, стр. 381—382.

³⁴ Miklosich, стр. 77; A. Meillet. — MSL 14, 1906—1908, стр. 333.

³⁵ L. K. Goetz. Das russische Recht, III. Stuttgart, 1912, стр. 237.

³⁶ Срезневский II, под словом *отъгрѣдѣти*.

³⁷ Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 110.

³⁸ Например, Карский (указ. соч., стр. 21).

нути — более раннее слово, отражающее протограф, общий как для Троицкого, так и для Синодального списка³⁹.

Третий вариант — *поринути* — встречается в Пушкинском списке (XIV в.). Это слово употребляется значительно чаще, чем *погринути* и *отъгринути*, и встречается как в церковнославянском, так и в собственно русском языке. По Срезневскому, оно означает: 1. столкнуть, низвергнуть; 2. толкнуть; 3. бросить, оставить, покинуть; 4. изгнать; 5. отвергнуть, отменить⁴⁰ (в цитированном примере из Русской Правды).

Создается впечатление, что при переводе *погринути* и *отъгринути* оба глагола недостаточно разграничивались, а кроме того, оказал влияние более часто встречающийся и более известный по значению глагол *поринути*⁴⁰. С точки зрения контекста три древнерусских глагола — *погринути*, *отъгринути* и *поринути* — и их различные переводы равно приемлемы, но они не разрешают вопроса о семантическом происхождении *погринути*.

В другой связи встречается *погринути* в так называемых междукняжеских договорных грамотах XIV и XV вв.:

А что судиль Киприанъ митрополит соуеди наших ѡбщихъ, Полукарна, и Михаила, и Ивана, и Клементиа, и что соудили соуды наши ѡбчие и грамоты подавали, и что будет взат(и), то взати, а что боудеть не взат(и), а то есмы погринули (Докончание великого князя Василия Дмитриевича с великим князем тверским Михаилом Александровичем около 1396 г. Грамота в. кн. Василия Дмитриевича в. кн. Михаилу Александровичу)⁴¹.

Почти слово в слово читаем мы в грамоте от примерно 1439 г.:

А что судил Киприанъ митрополить судеи наших ѡбчих, Поликарна, Михаила, Ивана, Климентиа, или что судили суд(ь)и наши ѡбчие и грамоты подавал(и), что будет взат(о), то взат(о), а что будет не взат(о), то есма погринули (Докончание великого князя Василия Васильевича с великим князем тверским

³⁹ Ср. Н. (= М.) Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.—Л., 1941, стр. 233 и сл.; стр. 242, примеч. 8: *отъринути* должно быть *отъгринути*.

⁴⁰ Ошибочное этимологическое тождество между *отъгринути* и *поринути*, предполагаемое П. Мрочек-Дроздовским, — «Изъ сопоставленія этихъ чтеній оказывается, что звукъ *г* здѣсь — бѣглый; — что касается до отношенія *ѣ* и *и*, то оно общеизвестно, а слитные предлоги *от* и *по* въ данномъ случаѣ безразличны, ибо и то и другое слова были въ употребленіи единовременно и въ одномъ смыслѣ» («Исслѣдованія о Русской Правдѣ», вып. II. М., 1885, стр. 223) — было немедленно опровергнуто Соболевским (указ. воч., стр. 375).

⁴¹ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» М.—Л., 1950, № 15, стр. 41—42 (далее — ДДГ).

Борисом Александровичем. Грамота в. кн. Бориса Александровича в. кн. Василию Васильевичу)⁴².

Именно в этом примере Карамзин первый, насколько нам известно, перевел *погрнули* как 'оставили'⁴³ без каких-либо дальнейших пояснений. Не исключена возможность, что его вдохновили на такой перевод другие обороты подобного типа, например: что будет взято право, то устало, а что будет взято криво, то утдати по исправѣ (Докопчание в. кн. Василия Васильевича с князем галицким и звенигородским Юрием Дмитриевичем 1428 г.)⁴⁴, где переходный глагол *устало* стоит в том же положении, что и переходное *погрнули*, которое получает таким образом вполне логично значение 'оставили'. Никакой связи между *погрнули* и комментированным им в другом месте *погрѣтъ* он, видимо, не установил. Те же фразы со словом *погрнути* повторяются позднее (около 1456 г.) в другом докопчании, а также в «противне» между теми же князьями⁴⁵.

Примеры на *погрѣтъ* в значении 'забвение' все принадлежат одной и той же эпохе и одному жанру, а именно упомянутым выше междукняжеским договорным грамотам, где они встречаются довольно часто, например: А как еси стал под городом под Тѣтрью до Семена дни за мѣсадъ, что будеш(ь) оу мене вздл воинои в тот мѣсадъ, тому всему межи нас *погрѣтъ*. А как еси к нам сложил целован(ь)е, а что мы оу тебе поимали и повоевали, а тому всему межи нас *погрѣтъ* (Докопчание великого князя Дмитрия Ивановича с великим князем тверским Михаилом Александровичем 1375 г. Грамота в. кн. Дмитрия Ивановича в. кн. Михаилу Александровичу)⁴⁶. Карамзин переводит *погрѣтъ* как 'забвение' ('предается забвению') именно в этом примере⁴⁷. В другом примере — тому всему *погрѣтъ*, — относящемся к 1471 г., кроме перевода 'забвение', современным переводчиком предлагается вариант 'конец'⁴⁸.

По всей вероятности, можно предположить, что *погрѣтъ* в сохранившихся примерах входит в устойчивое выражение. Вероятно, то же самое наблюдается и со словом *погрнути* в так называемых междукняжеских договорных грамотах: повторяются одни и те же стереотипные фразы. Поэтому добраться до первоначального смысла слов *погрнути* и *погрѣтъ* в этих устойчивых сочетаниях можно лишь косвенным путем. Единственный пример, который мог бы дать ключ к их первоначаль-

⁴² ДДГ, № 37, стр. 106.

⁴³ ИГР V, примеч. 332, стр. 210.

⁴⁴ ДДГ, № 24, а) стр. 65, б) стр. 67.

⁴⁵ ДДГ, № 59, а) стр. 187, б) стр. 190.

⁴⁶ ДДГ, № 9, стр. 27.

⁴⁷ ИГР V, примеч. 35, стр. 18.

⁴⁸ Коростынский договор великого Новгородца с великим князем Иваном Васильевичем о мире. — ПРП II, стр. 256.

чальному значению, это выражение *рѣзь погренути* в Русской Правде. Прежде чем вплотную заняться этой фразой, необходимо установить, какое из предложенных первоначальных значений слова *рѣзь* правильно. Дело в том, что хотя нельзя, конечно, ничего возразить против предположения, что это слово формально соотносимо с *резать*⁴⁹, семантические связи между 'резать' и 'рост' (= 'процент') не вполне выяснены.

Миклошич считал, что зависимость между корнем *rěz* и *рѣзь* неясна⁵⁰. Преображенский, однако, понимал ее таким образом: «м.-б., это значит вначалѣ *верхъ, вершокъ* в сыпучихъ тѣлахъ, *срѣзываемый* линейкой и служащій процентомъ заимодавцу. Не совсѣм ясно»⁵¹. Против этого предположения Преображенского можно, во-первых, возразить, что мы не знаем, было ли «срезывать верх» техническим термином при определении ренты на сыпучие товары⁵²; во-вторых, в древнерусском языке уже имелся термин для ренты при займе сыпучих товаров, а именно *присонъ*. Это слово — если мы придерживаемся цитированного объяснения Преображенского — должно было бы в первую очередь получить общее значение 'рента'. Кроме того, существовало еще несколько слов для обозначения ренты в специальном смысле соответственно типу товара, например *наставъ* при займе меда, *приплодъ*⁵³.

М. Ф. Владимирский-Буданов еще раньше объяснял *рѣзь* как 'прирезку, прибавление к металлической монете или шкурам ценных зверей'⁵⁴. Это объяснение не дает, однако, ответа на вопрос, почему слово *рѣзь* получило общее значение 'рента', в то время как слова, обозначающие особые виды ренты (для различных товаров), продолжали существовать. Действительное основное значение слова *рѣзь* по Фасмеру — 'Einschnitt, Kerbe', но он не рассматривает семантически связь между значениями слов *Einschnitt* и *рента*⁵⁵.

Однако уже Даль предложил правильное толкование слова *рѣзь*, толкование, которое, кроме того, поддерживается его верным представлением о природе этих «нарезок». А именно, он считал, что *рѣзь* — это нарезка или врез, которые делались на бирке для обозначения долга; Даль цитирует фразу: «есть

⁴⁹ Преображенский, под словом *рѣзь*.

⁵⁰ Miklosich, стр. 278.

⁵¹ Преображенский, под словом *рѣзь*.

⁵² У Даля (I, стр. 348) говорится: «Греблѣ ср. дощечка, брусокъ, палочка, которую сгребаютъ верхи, ровняютъ сыпучій товаръ (хлѣбъ, муку) съ краями мѣры».

⁵³ Ср.: П. Мрочек - Дроздовский. Исслѣдованія о Русской Правдѣ, вып. II, стр. 260.

⁵⁴ «Хрестоматія по истории русскаго права» I, 1899. — За наименованіемъ этой книги, сведения почерпнуты из ПР II, стр. 418.

⁵⁵ Vasmer II, под словом *рез*.

на моей биркѣ и твой рѣзь»⁵⁶. Общеизвестно, что нарезка сыграла и все еще играет важную роль в общественных организациях всего мира, независимо от их принадлежности к определенной культуре и цивилизации, в качестве числового обозначения самых различных предметов и явлений. Корни этой особой области применения уходят вглубь, к самому зарождению человеческой культуры; нарезка была, вероятно, предшествующей цифр и букв, которые она в некоторых случаях может заменить и сейчас⁵⁷.

Если мы в этой связи ограничимся только славянской культурой, то известно, что черноризец Храбр уже нашел у славян «черты и рѣзы», с помощью которых они «чтѣху и гатааху», и Ягич с полным правом считал, что под «чтѣху» подразумевается счет. К этому Ягич прилагает показательные примеры с бирками, на которых врезанные нарезки обозначали различные числовые величины и, что особенно для нас интересно, различные долги и платежи⁵⁸. Когда нужно было на палочке, разделенной на две одинаковые половинки — одну для заимодавца, другую для должника, — обозначить, что долг заплачен, поступали следующим образом: или просто уничтожали бирку⁵⁹, или вычеркивали нарезку⁶⁰, или перечеркивали ее⁶¹. Последний вариант напоминает об упомянутом Ягичем случае: «Въ случаѣ, если должникъ заплатилъ только часть той суммы, которая отмѣчена на работѣ [т. е. на бирке], эта часть знаковъ подрѣзывается внизу...»⁶².

На фоне всего сказанного выражение *рѣзь погрнути* в Русской Правде первоначально значило, вероятно, 'острым орудием вычеркнуть или перечеркнуть нарезку (обозначающую на бирке ренту)'. Отглагольное существительное *погрѣбъ* в таком случае означало исконно 'вычеркивание, перечеркивание'. Когда затем конкретная ситуация забылась, *погрнути* и *погрѣбъ* могли означать 'уничтожить' и 'уничтожение', как показывают примеры из междукняжеских договорных грамот. В предполагаемом нами первоначальном значении глагола *погрнути* не заключается ничего неожиданного, поскольку это только одна из возможных конкретных реализаций общего значения 'царапать, скрести' (пальцами, руками или каким-либо орудием), харак-

⁵⁶ Даль IV, стр. 109.

⁵⁷ Ср., например: M. Verworn. — «Korrespondenzblatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte» 42, 1911, стр. 53.

⁵⁸ И. В. Ягич. Вопросъ о рунахъ у Славянъ. — ЭСФ 3:1, 1911, стр. 26.

⁵⁹ Там же, стр. 31.

⁶⁰ Этот способ известен, между прочим, в Скандинавии.

⁶¹ Ср., например, «Vieh- und Hirtenleben in Ostmitteleuropa. Ethnographische Studien». Budapest, 1961, стр. 623.

⁶² И. В. Ягич. Указ. соч., стр. 34, с иллюстрацией на стр. 32, рис. 7.

терного для славянского *greb-*. Само собой разумеется, что 'похоронить' — только другая реализация того же значения, которая в особенности закрепила за словами с основой *rogreb-*. Третье значение, того же происхождения, что и только что упомянутые, находится в русском «грести все к себе» ('an sich raffen'). Будет, конечно, совершенно правильно отнести оба последние глагола к одному и тому же этимону⁶³, так же как нет повода предполагать существование третьего славянского глагола *grebq*, который якобы встречается в русск.-цслав. *о-гренути ся*, и др.⁶⁴, к которым Соболевский ранее присоединил др.-русск. *отгрьнути* и *съ-гренути*⁶⁵.

Наше истолкование семантического развития древнерусских слов *погренути* и *погребъ* подтверждает в некоторой степени и еще одно слово, также принадлежащее древнерусскому периоду и имеющее юридическое содержание, а именно *дертъ*. Древнерусскому слову *дертъ* посвящена статья финляндского лингвиста Ю. Вихманна, который, однако, не занимался его семантическим происхождением⁶⁶. Судя по всему, это слово встречается только в XV в., и, за исключением одного примера, только в междукняжеских договорных грамотах:

А что будутъ на ваши люди, которые вам служить, пени старые или суды, и хто отъ судов и отъ пень оутекли, и отъ порук, или в нашо нелюбье межи нас и наших людеи суды, и воины, и гра (sic!) и грабежи, и тому всему *дертъ* по нашо доконьчанье (1434 г. Докопчание великого князя Василия Васильевича с князьями галицкими Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным Юрьевичами. Грамота в. кн. Василия Васильевича князьям Дмитрию Шемяке и Дмитрию Красному Юрьевичам)⁶⁷.

Подобные выражения встречаются во многих докончаниях между Василием Васильевичем и русскими князьями, например:

А што, брате, в наше розмирье в наших шччинах воины или грабежи чинилиса, а тому всему *дертъ* по се наше докончание на шбѣ стороны (1441—1442 гг. Докопчание великого князя Василия Васильевича с князем галицким Дмитрием Юрьевичем. а) Грамота в. кн. Василия Васильевича кн. Дмитрию Юрьевичу)⁶⁸.

⁶³ Vasmer I, под словом *grebu*.

⁶⁴ Вегнекер, под словом *grebq* 3.

⁶⁵ См.: А. И. Соболевский. Указ. соч., примеч. 33 и 34.

⁶⁶ Y. Wichmann. — «Mélanges de philologie, offerts à M. J. J. Mikola à l'occasion de son 65 anniversaire, le 6 juillet 1931». Helsinki, 1931 (=Ann. Ac. Sc. Fenn., Serie B., 27), стр. 347—348.

⁶⁷ ДДГ, № 34, стр. 88.

⁶⁸ ДДГ, № 38, стр. 109.

Карамзин именно в этом месте переводит *дертъ* как 'забвение'⁶⁹, т. е. это слово становится синонимом к разобранному выше *погребѣ*. Срезневский хотя и не дает перевода к слову *дертъ*, ссылается, однако, на Карамзина⁷⁰. Причиной молчания Срезневского относительно значения *дертъ* могло быть то, что он воспринимал перевод Карамзина как слишком приблизительный и не раскрывающий первоначального смысла этого слова. Дело в том, что даже если понимать *дертъ* и *погребѣ* как синонимы, перевод Карамзина становится неуклюжим, когда эти слова встречаются в одном контексте: а войнѣ и грабежу учинилъ *дертъ* и *погребѣ* всему (1471 г.)⁷¹.

Ясно, что примеры со словом *дертъ* представляют собой такое же застывшее выражение юридического характера, как это было в случае с *погребѣ*; и хотя можно не сомневаться, что *дертъ* связано с *драти*⁷², первоначальное значение этого существительного трудно различимо в таких стереотипных оборотах. Но подобно тому, как определенный контекст дал нам ключ к первоначальному значению *погрениути* и *погребѣ*, таким же образом один пример проливает свет на семантическое происхождение слова *дертъ*: это продолжение уже цитированного примера, относящегося к 1396 г.:

(А что судилъ Кирилль... а то есмь *погрениули*), и грамоты *подрати* и тѣх соудовъ 'и судебные письма порвать'. Так как *подрати* в значении 'порвав, юридически сделать документ недействительным' хорошо известно в древнерусском языке⁷³, не будет ошибкой утверждать, что *дертъ* первоначально значило 'разрывание' и позднее через особое юридическое применение в смысле 'порвание документа с целью сделать его недействительным' получило абстрактное значение 'прекращение, копец, забвение, амнистия'⁷⁴.

Древнерусские слова *погрениути*, *погребѣ*, *рѣзъ* и *дертъ*, принадлежащие к одному и тому же семантическому полю, как обнаружилось, встречаются исключительно в юридическо-бытовых документах, не относящихся к русской церковной литературе. Путем изучения этих слов в их семантической среде,

⁶⁹ ИГР V, примеч. 277, стр. 182.

⁷⁰ Срезневский I, под словом *дертъ*.

⁷¹ Сказано о великом князе Иоанне Васильевиче после завоевания Новгорода согласно Лѣтописцу Новгородскому Церквамъ Божиимъ (=Новгородскія лѣтописи. Изданіе Археографической Комиссіи. СПб., 1879, стр. 301).

⁷² Вернекер, стр. 257.

⁷³ Срезневский I, под словом *драти*.

⁷⁴ Три первые значения имеются: А. Верецагин. Древніе акты, относящіеся къ исторіи Вятскаго края. Приложене къ 2-у тому сборника «Столѣтіе Вятской губерніи». Вятка, 1881. — За неимением этой книги цит. по Ю. Вихманну (указ. соч.). Последний перевод, например: Вернекер, стр. 257.

которая, таким образом, принадлежит живому древнерусскому народному языку, мы пришли к выводу, что эти слова обладали таким конкретным первоначальным значением, что добавочные их значения предстают просто как приблизительные описания. Вероятность такого конкретного первоначального значения в каждом слове зависит от взаимной мотивированности слов, которая в первую очередь лежит не в языковом плане, а связана с внеязыковой сферой.

Нашим исследованием мы хотели показать, что этимология анализируемых слов перестает быть только формальным сопоставлением, когда она опирается на раскрытие их семантической истории.

ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

(слав. **naglъjъ*, **naprasъnъjъ*, **pakostъ*, **lězo*, *lězivo*)СЛАВ. **naglъjъ*

Относительно происхождения слав. **naglъjъ* в этимологической литературе существует две гипотезы. С одной стороны, предлагаются неславянские соответствия: санскр. *añjas*, *añjasā* 'проворный, внезапный, скоропостижный', гот. *anaks* 'внезапный, быстрый'¹. С другой стороны, было высказано предположение о собственно славянском образовании от глагола **legti*, так что **naglъjъ* < **nalъglъjъ*². Поскольку эти гипотезы не считаются бесспорными, представляется допустимым рассмотрение других возможных родственных связей слав. **naglъjъ*.

Соответствующие прилагательные (или производные от них) представлены почти во всех славянских языках: ст.-слав. *naǫaz* 'граесерс'³, с-хорв. *nāgaо*, *nāгла* 'спешный'⁴, словен. *nāgел* 'внезапный, быстрый, стремительный'⁵, польск. *nagly* '1) внезапный, неожиданный, 2) спешный, неотложный, 3) проворный, горячий, вспыльчивый, 4) мед. (*acutus*) острый, с быстрым течением'⁶, чеш. *nāhly* 'неожиданный, спешный, стремительный, вспыльчивый; диал. чувствительный; крутой, отвесный'⁷, слвц. *nāhly* '1) быстрый, неожиданный; 2) торопливый'⁸, в.-луж. *nahly* 'обрывистый, крутой; быстрый, внезапный; вспыльчивый'⁹, н.-луж. *nagly* '1) крутой; 2) быстрый; 3) внезапный, необдуманый, го-

¹ См.: J. Schmidt. Über Metathesis von Nasalen und die Flexion vocalisch auslautender Wurzeln im Griechischen. — KZ XXIII, 3, 1876, стр. 268—269.

² См.: P. Tedesco. Slavic **pilъnъ* and *naglъ*: two Etymologies based on Meaning. — «Language» 27, 1, 1951, стр. 28—33.

³ Miklosich I.P., стр. 400.

⁴ Вук Караџић³, стр. 395; Iveković — Broz I, стр. 734.

⁵ Glouar, стр. 226.

⁶ Karłowicz — Kryński — Niedźwiedzki III, стр. 69—70.

⁷ «Přiruční slovník jazyka českého», díl III. Praha, 1938—1940, стр. 76.

⁸ «Slovník slovenského jazyka», II. d. Bratislava, 1960, стр. 236.

⁹ Pfuhl, стр. 397.

рячий'¹⁰, др.-русск. *нагло* 'быстро, скоро, тотчас'¹¹, соврем. русск. *наглый* 'нахальный, дерзкий, бесстыдный'¹², укр. *наглий* '1) внезапный, неожиданный; 2) быстрый, стремительный; 3) обл. спешный, неотложный; 4) обл. настоятельный'¹³, блр. *наглиць* 'принуждать, насильно заставлять'¹⁴.

Из представленных значений — 'быстрый, стремительный', 'неотложный, спешный', 'неожиданный, внезапный', 'горячий, вспыльчивый', 'дерзкий, бесстыдный', 'обрывистый, крутой' — выделяется группа 'быстрый, спешный, внезапный', которая объясняет развитие прочих, экспрессивных, значений. Для праслав. **naglъjъ* можно, следовательно, предполагать значения 'быстрый, спешный, внезапный', очень близкие друг другу. Обособленным остается зафиксированное для русского диалектного (яросл.) *наглый* значение 'чистый, настоящий, подлинный'¹⁵. Относительно структуры праславянского **naglъjъ* можно а priori предполагать суффиксальный характер элемента *-l-* и адъективное происхождение образования в целом.

В качестве возможного родственного для слав. **naglъjъ* небезынтересно рассмотреть слав. **snaga*. Это имя представлено также почти во всех славянских языках (отсутствует в лужицких): с.-цслав. *снага прохопѣ profectus*, *ѣрѣоу opus*¹⁶, болг. *снага* 'тело', *снажа са* 'приобретаю, почерпаю силы'¹⁷, с.-хорв. *снага* '1) сила, 2) тело, 3) (в хорв.) опрятность'¹⁸, словен. *snága* '1) опрятность, 2) украшение'¹⁹, польск. *snaga* 'опрятность, украшение', *snazność* 'усилие, старание'²⁰, чеш. *snaha* 'усилие, старание, стремление'²¹, словц. *snaha* 'стремление, усилие, попытка'²², русск. диал. *снага* южн. 'сила', *снажный* влд.-юр. 'видный, дородный, здоровый, сильный'²³, укр. *снага* 'сила'²⁴.

Представленные значения четко разделяются на две группы: 'сила, деятельность, усилие, старание, стремление, успех' (от-

¹⁰ Мука I, стб. 969.

¹¹ Срезневский II, стр. 274.

¹² «Словарь современного русского литературного языка», т. 7. М., 1958, стб. 101—102.

¹³ «Українсько-російський словник», т. II. Ред. І. М. Кириченко. Київ, 1958, стр. 576.

¹⁴ Носович, стр. 302.

¹⁵ См.: Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961, стр. 116.

¹⁶ Miklosich LP, стр. 866—867.

¹⁷ См.: А. Дювернуа. Словарь болгарского языка, вып. VIII. М., 1889, стр. 2207—2208.

¹⁸ Вук Караџић 3, стр. 720; Iveković—Broz II, стр. 439.

¹⁹ Pleteršnik II, стр. 524.

²⁰ Karłowicz—Kruński—Niedźwiedzki VI, стр. 251.

²¹ Jungmann IV, стр. 202.

²² Isačenko II, стр. 342.

²³ Даль IV, стр. 243.

²⁴ Гринченко IV, стр. 161.

куда, возможно, 'тело') и 'опрятность, украшение'. Близость значений 'сила, деятельность, стремление' (**snaga*) к 'быстрый, спешный' (**naglъjъ*) очевидна: например, ст.-слав. *снагога* имеет значение 'стремительность' (служит для перевода греч. *τάχος*)²⁵, а в русском переводе библии прилагательное *снажь* (в форме род. ед. *снажа*) соответствует греч. *ὄζυς*²⁶. Сходные отношения значений представлены в группе лит. *viėkas* 'сила, жизнь': *vėikis* 'проворный, быстрый'²⁷. Ср. также русск. диал. *яглый* 'ярый, ревностный, быстрый': лит. *jėgà* 'сила'²⁸. С другой стороны, возможно, что и в **naglъjъ* сохранились следы значения 'сильный, деятельный': ср. блр. *нагля* 'очень' (Ляховицкий р-н, Брестская обл.)²⁹. О типичности связи значений 'сила (сильный)' и 'очень' свидетельствует повторение этих семантических отношений: смол., тверск. *дўже* 'очень, весьма' — смол. *дўжий* 'сильный, крепкий'³⁰; волог., вятск., тамб., яросл. *сильно* 'очень'³¹ — *сила*, русск. *зело* 'очень' — др.-русск. *зѣлъ* 'сильный' (при лит. *gailūs* 'вспыльчивый, яростный, мстительный')³². Таким образом, слав. **snaga* в значении 'сила, деятельность, стремление' оказывается семантически близким слав. **naglъjъ* в значении 'быстрый, спешный, внезапный'. Допустимо сравнение также и «вторых» значений рассматриваемых слов: значению 'чистый, настоящий, подлинный' русск. диал. *наглый* (см. выше) соответствует значение 'опрятность, украшение' слав. **snaga* в хорватском, словенском и польском языках. Следовательно, семантически сближение **snaga* и **naglъjъ* представляется вполне оправданным.

С точки зрения морфологической структуры можно допустить опосредованное родство **naglъjъ* и **snaga*, а именно: образование прилагательного с суффиксом *-l-* (**naglъjъ*) и корневого имени (**snaga*) от утраченного в славянских языках глагола с корнем **(s)nag-*, содержащим так называемое *s-movable* (ср. **mьknqti* — **smukъ*, **kolti* — **skala*, **kora* — **skora*).

Возможно, что этот корень представлен в литовском глаголе *nogėtis* 'желать, хотеть'³³, который Махек считает родственным слав. **snaga*³⁴.

²⁵ Срезневский III, стб. 452.

²⁶ Книги ветхого и нового завета. Писаны в 1499 г. в Новгороде, при дворе архиеп. Геннадия. Ркп. б. Синод. биб-ки, № 1. Притч. XXII. — Материалы картотеки ДРС.

²⁷ Trautmann, стр. 339.

²⁸ Vasmer III, стр. 480.

²⁹ См.: «Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы». Пад рэдакцыяй Ф. Янкоўскага. Мінск, 1960, стр. 126.

³⁰ См. Опыт, стр. 51.

³¹ Там же, стр. 203.

³² Vasmer I, стр. 452.

³³ Niedermann — Senn II, стр. 192.

³⁴ Machek, стр. 461: *snažili*.

Из рассмотренных выше значений **naglъjъ* и **snaga* к значению 'желать, хотеть', вероятно, наиболее близки значения 'деятельность, стремление, старание' (**snaga*, ср. мнение Махка³⁵) и 'неотложный, спешный, быстрый' (**naglъjъ*). Объединение подобных значений представлено, например, в этимологическом гнезде славянского **tъsk-*: др.-русск. *тъснутися* 'спешить, стремиться, стараться, быть готовым на что', русск.-цслав. *тъскомь* 'торопливо, быстро', *натъць* 'сильно желаемый, завидный', *тъщаньный* 'желательный'³⁶. Значения 'сила' (слав. **snaga*) может быть результатом вторичного развития значений 'деятельность, стремление, старание'. Труднее объяснить отношения значений 'хотеть, желать' и 'чистый, опрятный, настоящий, подлинный' (как и отношения последних к значениям 'деятельность, стремление, старание' и 'быстрый, спешный, внезапный'). Вероятно, значения 'чистый, опрятный, настоящий, подлинный' также вторичны, и можно предположить следующий путь развития значений: 'хотеть, желать' → 'стремиться' → 'деятельный, быстрый' → 'сильный, здоровый' (см. выше о значениях русск. диал. *снѣж-ный*) → 'чистый, настоящий'.

СЛАВ. **naprasъnъjъ*

Праслав. **naprasъnъjъ* является южно-восточнославянским диалектизмом, реконструируемым на основании следующих лексем: русск. *напрáсный* 'тщетный, бесполезный', укр. *напрáсний* 'внезапный', ст.-слав. *напрáсанъ* δρῆμος, ἀφύδιος, с.-хорв. *náprasán* 'вспыльчивый, неукротимый'³⁷, болг. *напрáсен* 'скоропостижный, внезапный, неожиданный'³⁸. В статье *напрасный* словаря Фасмера приведены также русск. *напрáс* 'клевета' и блр. *напрас-лина* 'поклон'.

Авторы гипотез, касающихся происхождения этого праславянского слова, исходят из первичности значения 'внезапный': Маценауэр и Шарпантье предлагают связь с др.-инд. *prasabham*

³⁵ Machek, стр. 461: *snažiti*.

³⁶ Срезневский III, стб. 1057, 1061; II, стб. 342. — Примечательно, что проведенный Г. Стерном тщательный анализ истории и семантических отношений прилагательных и наречий со значением 'быстрый', resp. 'быстро', в английском языке также свидетельствует о связи этих значений со значениями 'сильный' и 'желающий, стремящийся, жаждущий': «... the proximate source of the sense of speed ... is the idea of physical excellence or eminence (vigour), blended with the idea of mental efficiency, energy, eagerness, etc. ... or with the idea of intensification» (Gustaf Stern. Swift, swiftly, and their synonyms: A contribution to semantic analysis and theory. — «Göteborgs högskolas årsskrift» XXVII. Göteborg, 1921, стр. 212—213).

³⁷ Vasmer II, стр. 197.

³⁸ А. Дювернуа. Указ. соч., вып. V. М. 1888, стр. 1336.

'насильственно, быстро, неожиданно'³⁹, Иокль предполагает родство с ц.-слав. *napradati* 'прыгать вверх'⁴⁰; Фасмер, считая недостоверными эти предположения, склонен поддерживать мнение Брюкнера о родстве праслав. **naprasъnъjъ* с русск. *праск* 'треск', опять-таки при первичном значении 'вдруг'⁴¹.

Прежде всего представляется необходимым расширить круг рассматриваемых родственных лексем. Параллельно с *naprasan* 'горячий, вспыльчивый, крутой, внезапный' в сербско-хорватском языке употребляются еще *naprasit* '1) вспыльчивый, горячий, 2) резкий, крутой, грубый'⁴² и *naprasat* 'быстрый, сбросливый, скоропостижный'⁴³. В старославянских и древнерусских памятниках широко представлены *naprasъnъvъ* и *naprasъmъvъ* приблизительно с теми же значениями, что и *naprasъnъi*⁴⁴. Основа *napras-*, таким образом, встречается в соединении с суффиксами прилагательных *-ъn-*, *-ъniv-*, *-ълив-*, *-ит-*, *-ат-*.

Для рассмотрения возможных родственных связей праслав. **napras-* существенно расширение круга реконструируемых для этой основы значений, особенно за счет данных восточнославянских языков. Во-первых, они дают основание для реконструкции значения 'назойливый, настойчивый, навязчивый': ср. укр. *naprâsnij* 'нав'язливый, набридливый, причепливый'⁴⁵; русск. диал. (яросл.) *naprâsnivъjъ* 'неотвязно просящий'⁴⁶; др.-русск. *naprasenъ* в тексте: По начинанию бо и конец его, понеже такоу бѣ *naprasenъ* и наглъ, вкупѣ же и дерзъ, яко Юда, иже на Таинѣи вечери дерзну⁴⁷; др.-русск. *naprasъmъvъ*: в передаче Р. Джемса *naprâsliβ* 'дерзкий, бесстыдный'⁴⁸. Кажется, значение 'назойливый, настойчивый, навязчивый' более всего соответствует случаям употребления типа следующих: И рече Ааронъ Моусею: не гнѣвайся на мя, . . . ты бо вѣси *naprazъstvo* (вар.: *naprasъstvo*) людий сихъ, глаголаша бо ми: сътвори намъ боги. . . (1512 г.)⁴⁹; Безество безочъственное, еже есть *naprasъmъvъ*

³⁹ См.: A. Matzenauer. Příspěvy ke slovanskému jazykozpytu. — LF 11, 1884, стр. 176; J. Charpentier. Kritische Bemerkungen zum urslawischen Entnasalierungsgesetz. — AfslPh XXIX, 1907, стр. 6.

⁴⁰ N. Jokl. Ein urslawisches Entnasalierungsgesetz. — AfslPh XXVIII, 1906, стр. 2; XXIX, 1907, стр. 16.

⁴¹ Vasmer II, стр. 197.

⁴² Вук Караџић³, стр. 415.

⁴³ Лавровский, стб. 361.

⁴⁴ Miklosich LP, стр. 409; Срезаневский II, стб. 311.

⁴⁵ О. С. Мельничук. Словник специфічної лексики говірки села Писарівки (Кодимського району, Одеської області). — «Лексикографічний бюлетень», вип. II. Київ, 1952, стр. 86.

⁴⁶ Г. Г. Мельниченко. Указ. соч., стр. 119.

⁴⁷ «Временник дьяка Ивана Тимофеева» (РИБ, т. 13, изд. 3-е. Л., 1925. Сп. XVII в.), стб. 367. — Картоотека ДРС.

⁴⁸ Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса. Л., 1959, стр. 183.

⁴⁹ «Русский хронограф», ч. I. Хронограф редакции 1512 года (ПСРЛ, т. 22. СПб., 1911), стр. 69. — Картоотека ДРС.

вое кому о вещи коеи докучаніе⁵⁰; Тиень тао ван и гао кне нбо^н ненавидить напрасливыхъ, любить смиренныхъ⁵¹.

К значению 'назойливый, настойчивый, навязчивый' близко значение 'сильно, жестоко' др.-русского наречия *напрасно*: Вѣтру же *напрасно* вѣющу на градъ (Ип. л. 6762); Данило бо бѣ очима *напрасно* боля и не видѣ бывшего во вратѣхъ (там же)⁵²; вѣсѣдъ же Иоанъ на конь и гнаше *напрасно*⁵³. Ср. также: сего ра^д страшна и *напрасна* идетъ на вы пагуба. яко гневъ бѣи лють ѿ ба на вы придетъ силнии бо силно испытани будутъ⁵⁴.

Возможность связи значений 'сильный, жестокий', 'назойливый, настойчивый, навязчивый' и 'вспыльчивый, внезапный, быстрый' не вызывает сомнений, ср. семантические отношения в группе праслав. **naglъjъ*: др.-русск., ст.-слав. глагл 'быстрый, скорый', словен. *nágal* 'внезапный'⁵⁵, соврем. русск. *наглый* 'дерзкий, навязчивый, бесстыдный', блр. *на́гля* 'очень'⁵⁶ и т. д. (см. выше, слав. **naglъjъ*).

Второе значение праславянской основы **napras-*, не зафиксированное для южнославянских языков, но представленное в восточнославянских, можно определить как 'ложно обвиняющий, клеветнический, ложный', ср. др.-русск. *напрасными* в текстах: Годуновъ самъ въ своей грамоте писати того не хотѣлъ, а тому добрѣ ся подивилъ, что такие лживые, *напрасные* слова вамъ не гораздо нѣкоторые воры сказывали (1587 г.)⁵⁷; и пресвященный архіепископъ, по ихъ *напрасному* наговору нашь, холопей и богомольцовъ твоихъ и работниковъ, билъ безъ милосердного наказанія и безвинно... (1675 г.)⁵⁸; ... все то ложное челобитье отъ него прежнего составщика Гришки Мылникова съ товарищы и съ потаковщики составлено *напрасно*, не дѣломъ⁵⁹; ср. также диал.: *напраслив, да несчастлив* — 'охоч кле-

⁵⁰ «Алфавит иностранных речей». Рукопись БАН, XVII в. Арх. Д. № 446, стр. 34. — Там же.

⁵¹ «Краткое известие о хинском служении». Рукопись 1731 г. Библиотека Смоленского педагогического ин-та № 121 (3/Б), стр. 253. — Там же.

⁵² Срезневский II, стб. 311.

⁵³ «Пролог сентябрьской половины года». Финляндские отрывки. Рукопись БАН 4.9.20. XIII в., л. 8'. — Картоотека ДРС.

⁵⁴ «Пролог мартовской половины». ЦГАДА, ф. 381, № 172 (Тип. № 367), л. 75а. — Картоотека русского словаря XI—XIV вв.

⁵⁵ Vasmer II, стр. 193.

⁵⁶ Ф. Янкоўскіі. Указ. соч., стр. 126.

⁵⁷ «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею», т. II (с 1581 по 1604 г.). Изд. под ред. К. Н. Бестужева-Рюмина («Сб. Русск. истор. об-ва», т. 38. СПб., 1883), стр. 194. — Картоотека ДРС.

⁵⁸ А. Зерцалов. О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском 1648, 1662 и 1771 гг. («Чтения ОИДР», 1890, кн. 3), стр. 1. — Там же.

⁵⁹ «Акты Холмогорской и Устюжской епархий», ч. I. 1500—1699 гг. (РИБ, т. 12), стр. 1250. — Там же.

ветать, да мало верят'⁶⁰, блр. *напраслина* 'клевета'⁶¹, укр. *напрáсний* '1) несправедливый...'⁶².

Хотя в памятниках значение 'ложный, клеветнический' широко представлено только с XVI в., можно предполагать близкие значения — 'коварный, оскорбительный' — и для более раннего времени, ср.: Швещаетъ Феодоръ с *напрасьемь*. се ли есть вѣра наша (в изд. 1795 г. вм. *напрасьемь* — *коварно!*)⁶³; *напрасньство* есть, егда кто гнѣваетъ са и досажаетъ ни единого ради потребна ли себе шмыщатъ ли бес правды гроза са⁶⁴.

Возможно, именно на основе значения 'ложный' русское *напрасный* приобрело значение 'тщетный, бесполезный, пустой', зафиксированное сравнительно поздно: оно не отмечено Срезневским, но Р. Джемс уже упоминает для *напрасный* (*naprasnoi*) только значение 'тщетный'⁶⁵. Ср. также: дабы въ простойке время *напрасно* не праходило⁶⁶; ... и вели, государь, се напе челобитьишко из Асторохани к себе великому государю отписать к Москве, чтоб те наши товары у того хивинсково Абыл-Газы-хана *напрасно* не пропали... (1646 г.)⁶⁷.

Вполне вероятно, однако, что и значение 'тщетный' старше XVI—XVII вв., ср.: камень же сеи многоцѣнныи с преже ре^чными дѣйстви и силами. и ѣще к тому и сию имать крѣпость. не може^т видѣти яго внезапно. иже не имать ... цѣла и здрава шка. ч^та же тѣла и веста нескверна. аще бо кто шбоюго сего добра не имыи *напрасно* възр^тть на ч^тныи тои камыкъ⁶⁸.

Относительно возможности сближения и объединения в одной основе значений 'ложный' и 'тщетный' ср. лат. *frustra* '1) обманом; 2) напрасно, тщетно, даром'.

Рассмотренные значения праслав. **napras-* можно сгруппировать следующим образом: 'внезапный, скорый, вспыльчивый'; 'сильный, жестокий, насильственный, настойчивый, назойливый'; 'ложный, клеветнический, тщетный'. Представляется, что некоторые из этих значений дают основание для сравнения праслав. **napras-* с праслав. **prostiti*. В самом деле, основное значение праслав. **prostiti*, как и его источника — и.-е. **prek-*, — 'просить,

⁶⁰ Даль II, стр. 454.

⁶¹ Носович, стр. 315.

⁶² Гринченко II, стр. 512.

⁶³ «Пандекты Никона Чернигорца», XIV в., л. 26а. — Картотека ДРС.

⁶⁴ Там же, л. 30б.

⁶⁵ Б. А. Ларин. Указ. соч., стр. 183.

⁶⁶ «Письма и бумаги имп. Петра Великого», т. IV (1706 г.). СПб., 1900, стр. 985. — Картотека ДРС.

⁶⁷ «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв. Л., 1932, стр. 204. — Картотека ДРС.

⁶⁸ «Житие Варлаама и Иосафа». XIV—XV вв. — «Сборник житий и слов, XIV—XV вв.». ГПБ, Соф. № 1365, л. 216-в. — Картотека русского словаря XI—XIV вв.

требовать, домогаться' легко развивается в производных именах в значение 'назойливый, настойчивый': ср. русск. диал. *просли́вый* 'докучливый'⁶⁹, *напрóсисный* 'напросливый, кто неотступно просит' (псков., тверск.)⁷⁰, лит. *prašlūs* '1) склонный к просьбам, 2) настойчиво просящий'⁷¹, *prašūs* '1) склонный к просьбам, 2) назойливый (в просьбах), склонный к нищенству, постоянно просящий, докучливый (просьбами)'⁷², *prašnūs* '1) склонный к просьбам, 2) назойливый (в просьбах)'⁷³. О закономерности подобной связи значений свидетельствуют тождественные отношения в группах: русск. диал. *ная́ннить* 'выпрашивать, усильно, неотступно просить'—*ная́новатый* 'бесстыдный, наянливый'⁷⁴, ст.-слав. *трѣвокаѣти*—ст.-слав. *прѣтрѣвокаѣти* 'настойчивый'⁷⁵.

Интересно, что значение 'назойливый, настойчивый, докучающий просьбами', которое может быть одним из наиболее ранних значений праслав. **napras-*, представлено в диал. (яросл.) *напрасливый*⁷⁶.

Отношения значений в этимологических группах, семантически близких праслав. **prostti*, говорят о возможности развития при значении 'просить, требовать, домогаться' также значений 'скорый, спешный, вспыхивый': ср. ст.-слав. *трѣвокаѣти*—болг. *притребен* 'нужный, спешный'⁷⁷; русск. диал. *зѣркий* 'жадный, вожделеющий', также 'гневный, сварливый'⁷⁸—*зѣриться* 'жадно и завистливо глядеть'⁷⁹. Что же касается значения 'ложно обвиняющий, клеветнический', то можно допустить, что оно является производным от значения 'жаловаться на кого-либо', которое присуще глаголу *просить* в русском языке: ср. *просить на кого* 'жаловаться, приносить просьбу, жалобу, просить суда и правды за обиду'⁸⁰: Да пошли *просить* ко князю Владимиру да на этого калику перехожего⁸¹.

Значение 'тщетный', как уже отмечалось выше, может быть сближено со значением 'ложный' как производное от него. С этим предположением согласуется как будто и относительно позднее появление значения 'тщетный' в памятниках. Следует, однако, учесть, что этимологические связи свидетельствуют о возможности развития значения 'тщетный' в производных от

⁶⁹ Даль III, стр. 509.

⁷⁰ Дополнение к Опыту, стр. 133.

⁷¹ Niedermann-Senn III, стр. 260.

⁷² Там же, стр. 262.

⁷³ Там же, стр. 261.

⁷⁴ Ошуг, стр. 126.

⁷⁵ Срезневский II, стб. 1706.

⁷⁶ Г. Г. Мельниченко. Указ. соч., стр. 119.

⁷⁷ А. Дювернуа. Указ. соч., вып. VII, стр. 1925.

⁷⁸ Vasmer I, стр. 443.

⁷⁹ Даль I, стр. 628.

⁸⁰ Даль III, стр. 509.

⁸¹ А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины. СПб., 1873, стр. 1135.—

глаголов со значением 'желать, домогаться', ср. др.-русск. *зърѣти* 'желать завладеть': Братья наши ходили с Святославомъ великимъ княземъ и билися с ними зря на Переяславль (Лавр. л. 6694 г.); Княжаста с матерью своею... а на Володимерь зряща: се ли, ово ли, Володимерь будеть наю (Ип. л. 6719 г.)⁸² — соврем. русск. *зря* 'тщетно, бесполезно'.

Формальному сближению праслав. **napras-* с праслав. **pro-* *siti* препятствует количественное различие в огласовке корня. Известно, однако, что и.-е. **prek'-* выступает с долгим вокализмом в др.-инд. *prās-* '(судебный) допрос' и в германских производных; др.-в.-нем. *frāga* 'вопрос' и т. д.⁸³ Следует также учесть особую продуктивность ступени удлинения корневого гласного в некоторых морфологических категориях праславянского языка, в частности — что особенно существенно в данном случае — в каузативных и итеративных глаголах с суффиксом *-i-* и в корневых отглагольных именах⁸⁴. Собственно славянские формы итеративных глаголов на *-i-* и корневые имена с долгим корневым вокализмом могут сосуществовать в славянских языках со старыми, индоевропейского характера, итеративами на *-i-*, сохранившими вокализм **o:* ср. русск. *водѣти—вѣдѣти—повѣдка*, русск. *корѣти—кѣрѣти—кѣра*, русск. *морѣти—чеш. mařiti*.

Возможно, что оснований для реконструкции праславянского глагола ***prasiti* недостаточно, но предположение об образовании всех рассмотренных выше прилагательных — *naprasъnъjъ*, *napraslivъjъ*, *naprasъnivъjъ*, *naprasitъjъ*, *naprasatъjъ* — от корневого имени с долгим корневым гласным ***napras-*, родственного глаголу *prositi*, кажется вполне вероятным. Следы этого корневого имени могут быть др.-русск. *напрасъ* 'ложно' (ср.: тѣмъ де его клеплють *напрасъ*⁸⁵), диалектные (псков., тверск.) *напрѣс* нар. 'напрасно'⁸⁶, *напрѣс* 'напрасное обвинение, обнос, клевета, наговор'⁸⁷ и *напрасина* 'напраслина'⁸⁸.

В праслав. **napras-* выделяется приставка *na-*. Она соответствует предлогу *na*, с которым употреблялся иногда глагол *prositi* в древнерусском и старославянском языках. Предлог управлял именем, обозначавшим предмет просьбы или лицо, к которому обращена просьба: ср. ст.-слав. *просити на брачѣ*⁸⁹, др.-русск. Того на мѣ не проси, а ны" на того тобѣ не творю

⁸² Срезневский I, стб. 1013.

⁸³ Роконгу, Lief. 9, стр. 822; Feist, стр. 162.

⁸⁴ J. Kuryłowicz. Le degré long en balto-slave. — RSI XVI, 1, 1948, стр. 7—8.

⁸⁵ «Кунгурские акты XVII в.» (1668—1699 гг.). Изд. А. Г. Кузнецова. Ред. А. А. Титов. СПб., 1888, стр. 75. — Картоотека ДРС.

⁸⁶ Дополнение к Опыту, стр. 133.

⁸⁷ Даль II, стр. 454.

⁸⁸ Дополнение к опыту, стр. 133.

⁸⁹ Miklosich LP, стр. 704.

(Ип. л. 6657 г.)⁹⁰. Шире распространено *na-* в качестве приставки при глаголе *prositi*: ср. ст.-слав. *naprositi* 'просить' (*naprositi* хлеба. — Жит. Андр. Юр. XXX, 117⁹¹), *naprosenie* 'desiderium'⁹², др.-русск. *naprositi* (... мы не вдавнѣ прошлыхъ день, от Оердинанда, Римского цѣсаря, писателно поисканы и приятелно *naproseny*... — 1559 г.⁹³), словен. *naprositi* (*lesa za novo stavbo*)⁹⁴. Ср. также соврем. русск. *naprosиться на* (с вин. пад.). Следовательно, можно предполагать, что праслав. **napras-*, лежащее в основе праслав. **naprasъnъjъ*, является корневым именем, производным от праслав. **naprositi*.

СЛАВ. **pakostъ*

Праслав. **pakostъ* реконструируется на основании абсолютно тождественных по форме и близких по значению лексем, представленных почти во всех славянских языках: ст.-слав. *пакостъ* ἐνόχλησις *molestia*; βλάβη *damnum*; ζημία *damnum*⁹⁵; болг. *пáкост* 'вред, порча, ущерб, убыток, зло'⁹⁶; с.-хорв. *pákost* *malitia*⁹⁷; словен. *pákost* 'неприятность, зло'⁹⁸; польск. *pakość* 'злость, зло, неприятность, упрямство, проказы, озорство'⁹⁹; чеш. *pakost'* 'вред, убыток, ущерб, зло, несчастье, неприятность'¹⁰⁰; н.-луж. *pakosć* 'лакомство', *pakosćis'* '1) бесчинствовать, 2) зариться на что, сильно желать чего'¹⁰¹; др.-русск. *пакостъ* 'вред, разорение, грабеж, несчастье, мука, болезнь, препятствие, обман, осквернение'¹⁰²; в передаче Р. Джемса *pakъs* 'злой, дикий'¹⁰³; укр. *пáкiсть*, *-кости* 'пакость'¹⁰⁴; блр. *пакосць* '1) испражнение, 2) вред, зло, 3) дрянь, ничтожность'¹⁰⁵; соврем. русск. лит. *пакость*; русск. диал. *пáкостъ* '1) о детях: шалун, который портит что-либо (псков.), 2) потрава' (псков.), *пáкость*, *-сти* 'худое дело, пакость' (нижегор.; новгор.)¹⁰⁶. Исходя из этих лексем и остав-

⁹⁰ Срезневский II, стб. 1568.

⁹¹ Там же, стб. 314.

⁹² Miklosich LP, стр. 410.

⁹³ «Памятники дипломатических сношений России со Швецией» («Сб. Русск. истор. общ-ва», т. 129. СПб., 1910). 1556—1568 гг., стр. 62. — Картотека ДРС.

⁹⁴ Glonar, стр. 231.

⁹⁵ Miklosich LP, стр. 552.

⁹⁶ «Речник на съвременния български книжовен език», св. 7. София, 1957, стр. 463.

⁹⁷ Вук Караџић³, стр. 500; Iveković — Broz II, стр. 4.

⁹⁸ Pleteršnik, стр. 4.

⁹⁹ Karłowicz — Kruński — Niedźwiedzki IV, стр. 13.

¹⁰⁰ Kott 7, II, Dodatky, стр. 1351.

¹⁰¹ Мука II, стр. 10.

¹⁰² Срезневский II, стб. 863—865.

¹⁰³ Б. А. Ларин. Указ. соч., стр. 191.

¹⁰⁴ Гринченко III, стр. 88.

¹⁰⁵ Носович, стр. 390.

¹⁰⁶ Опыт, стр. 152.

ляя на время в стороне н.-луж. *pakosc* 'лакомство', можно предполагать для праслав. **pakostь* значение 'вред, порча, препятствие, ущерб, зло'.

Из существующих этимологий наиболее продуктивной представляется, несмотря на сомнения Фасмера, гипотеза А. И. Соболевского о связи **pakostь* с русск. *костить*¹⁰⁷, которое имеет не только значение 'ругать, бранить', но и 'марать, пачкать, портить': ср. *костить* '1) бранить, 2) пакостить, 3) марать, пачкать' (псков., тверск.), *коститься* 'испражняться' (псков., тверск.)¹⁰⁸, *искостить* '1) испортить (тверск.), 2) изругать' (тверск., тамб.)¹⁰⁹. В этом последнем значении — 'марать, пачкать, портить' — *костить* очень близко к **pakostь*.

Сопоставление **pakostь* и *kostitь* позволяет предполагать основу ***kostь* со значением 'вред, порча', омонимичную с **kostь* 'os, ossis'¹¹⁰. В славянских языках основа ***kostь* 'вред, порча' в свободном виде, кажется, не сохранилась. Но великорусские говоры знают в близком значении имя *касть* и производные от него: ср. *касть* '1) крыса или мышь (тверск.), 2) дрянь, гадость' (ряз.)¹¹¹; *касть* '1) потрава хлебная, шалость, пакость, 2) кал, испражнение' (псков., тверск.)¹¹²; *касть* 'нечистота, сор, смрад, вонь'¹¹³; *кась* 'нечистота, сор' (арханг.)¹¹⁴; *скасть* 'змея, гадина'¹¹⁵; *кастный* 'гадкий, скверный, негодный' (псков., тверск.)¹¹⁶; *кастливый* 'пакостливый' (псков., тверск.)¹¹⁷. По говорам известен также глагол *кастить*: ср. *кашу* 'испражняюсь'¹¹⁸; *кастить* 'бранить кого-либо, пачкать, грязнить'¹¹⁹. Для сопоставления с **pakostь* интересны образования от *касть* с приставкой *по-*: *пбкастить* 'шалить; пакостить' (вост.-сиб.), *покастливый* 'вороватый' (вост.-сиб.), *пбкасть* '1) гадкий человек' (тверск.), 2) 'ша-

¹⁰⁷ А. Соболевский. Этимологические заметки. — ЖМНП 1886, сентябрь, стр. 152; Васмер II, стр. 303—304.

¹⁰⁸ Дополнение к Опыту, стр. 90.

¹⁰⁹ Опыт, стр. 75.

¹¹⁰ Р. М. Цейтлин, выделяя в **pakostь* приставку *pa-*, отождествляет корень со слав. **kostь* 'os, ossis', не рассматривая *костить* и отрицая возможность сравнения с *касть* (Р. М. Цейтлин. К вопросу о значениях приименной приставки *pa-* в славянских языках. — «Уч. Зап. Ин-та слав.» IX, 1954, стр. 212).

¹¹¹ Опыт, стр. 80.

¹¹² Дополнение к Опыту, стр. 78.

¹¹³ Подвысоцкий, стр. 64.

¹¹⁴ Опыт, стр. 80.

¹¹⁵ М. К. Герасимов. Материалы лексикографические по новгородским говорам. Слова Череповецкие. — ЖСт 8, 3—4, 1898, стр. 397.

¹¹⁶ Опыт, стр. 80.

¹¹⁷ Дополнение к Опыту, стр. 78.

¹¹⁸ П. К. Симоны. Два старинных областных словаря XVIII столетия. II. Вятский областной словарь (1772 г.) — ЖСт 8, 3—4, 1898, стр. 449.

¹¹⁹ Куликовский, стр. 34.

луи' (вост. сиб.)¹²⁰, *пѡкась* — бранное слово¹²¹. Глагол *покастити* и производные от него имена представлены в русском переводе библии и в Кормчей Балашева: ср. *испокастити* 'погубить, опустошить', *испокаститися* 'погибнуть'¹²², *покаститель* ἐξολοθρευτής qui vastat, *покастение* ὄλεθρος perniciēs¹²³, а также *покастити* в тексте: аще оубо мимоградыⁿ еп̄пъ или ѡбидимы^x ради сирот же и вдовиць . . . или шп̄^x ради таковы^x ради полезныхъ вещь̄и . . . въ стань црєвь градеть. да не *покастить* емоу никакѡ^ж¹²⁴.

Таким образом, наряду с рефлексам праслав. **pakostь*, **pakostiti*, существуют в говорах (и иногда в очень близких территориально говорах¹²⁵) *покасть*, *покастити*, а гипотетическому ***kostь* параллельно диалектное *касть*. Имена ***kostь* и *касть*, являющиеся производящими основами для *kostiti*, **pakostь*, **pakostiti* и *покастити*, *покасть*, при тождестве значений, различаются лишь ступенью огласовки корневого гласного. Можно, следовательно, предполагать их родство. С другой стороны, оба имени могут быть, с формальной точки зрения, производными от глагола, образованными с помощью суффикса *-ть*. В отношении словообразовательной структуры ***kostь* и *касть* отождествляются, таким образом, с именами типа **pastь*, **mastь*, а **pakostь* — с **pameťь*, **papьrbь*, **pažitь*. Приставка *pa-* может иметь значение результата действия. Поскольку для имен с суффиксом *-ть* не характерно удлинение корневого гласного, чередование *o/a* приходится приписать производящему глаголу. Конечным согласным его корня могут быть как *t*, *d* (ср. **pasti*—**pastь*), так и *s*, *z* (ср. **mazati*—**mastь*). Из славянских глаголов заслуживают поэтому внимания пары **kosŋti* (*se*)—**kasati* (*se*) и **čezŋti*—**kaziti*.

С формальной точки зрения возможность сопоставления ***kostь*, **kastь* и **kosŋti* (*se*)—**kasati* (*se*) не вызывает сомнений. Что касается семантики, то значение 'вредить, портить, причинять зло' может сопутствовать значению 'касаться': ср. др.-русск. *сащцѣ*, *сагу* 'коснуться' и *посагати* 'злоумышлять, обижать'¹²⁶. Действительно, к **kosŋti* (*se*)—**kasati* (*se*) восходят др.-русск. *касатися* 'гнушаться'¹²⁷, диал. *прикос* 'несчастный случай, неожиданность'¹²⁸, 'болезнь, по убеждению стареров,

¹²⁰ Опыт, стр. 166.

¹²¹ Г. Г. Мельниченко. Указ. соч., стр. 154.

¹²² Срезневский I, стб. 1130.

¹²³ Miklosich LP, стр. 608.

¹²⁴ Кормчая Балашева, с прибавлениями. Рукопись БАН 21.5.4. XVI в., прибавл. XVII в., л. 100. — Картотека ДРС.

¹²⁵ Ср., например, *пѡкась* и *пѡкось* в ростовских говорах: Г. Г. Мельниченко. Указ. соч., стр. 140, 154.

¹²⁶ Срезневский III, стб. 909—910; II, стб. 1285.

¹²⁷ Срезневский III, дополнения, стб. 138.

¹²⁸ Куликовскій, стр. 92.

вследствие недоброго или завистливого взгляда'¹²⁹, *заприскбѣсь* кому — преимущ. безлич. о деле: 'не удаваться, встретить помеху'¹³⁰. Но значение 'касаться' для праслав. **kosnqti*, **kasati* вряд ли первично, этому противоречит его родство с **česati* 'скрести, драть, чесать'. Это первичное значение группы **česati* — **kosnqti* (*sę*) — **kasati* (*sę*) 'скрести, драть, чесать' также может развивать вторичные значения, близкие к 'вредить, портить': ср. русск. диал. *чесануть* 'сильно ударить кого-либо' (псков., тверск.)¹³¹, *кочать* 'сильно бить, колотить кого-нибудь'¹³², *обкочать* 'обобрать' (псков.)¹³³, *кочёу* 'разбойник, грабитель по дорогам' смоленск.¹³⁴, с.-хорв. *искдсѣти* 'изорвать, истереть, истрепать, износить (одежду)'¹³⁵. Если **pakostь* и **kastь* родственны этой глагольной группе, то исходное значение этих имен можно определить как 'очески, отрепье, отбросы' (см. выше о значениях *костить* и *касть* в говорах) и тогда значения 'вред, ущерб, порча, зло' вторичны. Наконец, обособленным значениям праслав. **pakostь*, **pakostiti*, сохранившимся в н.-луж. *pakosć* 'лакомство', *pakosćis* '...2) зариться на что, сильно желать чего' (см. выше) соответствует одно из значений др.-польск. *kasac* '...2) impetum facere, petere'¹³⁶.

Поскольку, однако, для праслав. **česati* — **kosnqti* (*sę*) — **kasati* (*sę*) значение 'вредить, портить' может быть лишь вторичным и факультативным и поскольку, с другой стороны, для праслав. **pakostь*, возможно, первичным является именно значение 'вред, ущерб, порча, зло', постольку семантически более убедительным представляется сопоставление ***kostь*, **pakostь*, **kastь* с глаголами **čeznqti* — **kaziti*.

Праслав. **kaziti* или производные от него представлены во всех славянских языках, преобладающие значения глагола — 'портить, искажать, уничтожать, препятствовать, разорять' — полностью соответствуют значениям праслав. **pakostь* 'вред, порча, ущерб, препятствие, зло'. Если эти значения праслав. **pakostь* первичны, то значение н.-луж. *pakosć* 'лакомство' может быть связано с ними довольно развитой в славянских языках тенденцией к сближению значений 'уничтожение, порча' и 'еда, пища': ср. ст.-слав. *погубѣти* 'истребить, уничтожить' и 'принять в пищу'¹³⁷; др.-русск. *отравити* 'повредить', ст.-слав. *сѣтрабаѣти*

¹²⁹ Подвысоцкий, стр. 138.

¹³⁰ Даль I, стр. 627.

¹³¹ Дополнение к Опыту, стр. 299.

¹³² Там же, стр. 90.

¹³³ Опыт, стр. 132.

¹³⁴ Даль II, 172.

¹³⁵ Ёук Карацѣћ³, стр. 243; Iveković — Broz I, стр. 407.

¹³⁶ Słownik staropolski, t. III, zes. 4 (17). Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961, стр. 248.

¹³⁷ Резневский II, стб. 1297—1298.

‘злоумышлять’—ст.-слав. *натражити* ‘накормить’¹³⁸, диал. *nomřava* ‘1) десерт (орл.), 2) рыболовная приманка’ (псков., твер.)¹³⁹. Отношения значений ‘вред, порча, ущерб’ (праслав. **pakostь*) и ‘сильно желать’ (н.-луж. *pakosciš*) можно сравнить с семантическими отношениями в группах: ст.-слав. *крьдз* ‘зло, болезнь, страсть’, ст.-слав. *прикрѣдѣне* ‘стремление, страсть’, *прикрѣдѣство* ‘стремление’¹⁴⁰; праслав. **stradati*—**strastь*. О возможности таких семантических связей в группе **čeznŕti*—**kaziti* свидетельствуют с.-хорв. *čeznuti* ‘требовать, страстно желать’¹⁴¹, макед. *чезнее* ‘страстно желать, тосковать’¹⁴².

Заслуживает внимания использование производных рассматриваемой группы ***kostь*, **kastь* в качестве названий хищных или приносящих ущерб человеку животных: например, русск. диал. *пакость* ‘уклончивое название для пушного зверя, преимущественно для лисиц и песцов’¹⁴³, *касть* ‘1) крыса или мышь...’ (твер.)¹⁴⁴, *скасть* ‘змея, гадина’¹⁴⁵, ср. также др.-русск. *pakšs* ‘злой, дикий’¹⁴⁶. Хотя не исключена возможность табуистического происхождения такого словоупотребления (ср. диал. олон. *худбѣй* ‘змея’¹⁴⁷), именно эти лексемы предполагают первичность для группы ***kostь*—*kastь* значения ‘вред, ущерб, порча, зло’.

Таким образом, в сопоставлении группы ***kostь*—*kastь* с **kaziti* отношения значений достаточно прозрачны. Возражения касаются вокализма, так как на основании данных славянских языков для праславянского языка реконструируются только **čeznŕti*—**kaziti*—**čězati* (ср. др.-русск. *ицзати*¹⁴⁸). Значение и словообразовательная структура (суфф. *-i*) характеризуют **kaziti* как каузатив к **čeznŕti*. Морфологический признак этой словообразовательной категории в общеиндоевропейском языке — огласовка **o*. В славянских языках в связи с развитием ступени удлинения во многих итеративно-каузативных глаголах **o* было удлинено в **ō > a*¹⁴⁹, причем глаголы с вокализмом **o* иногда сохранились, в большинстве же случаев утрачены. Словообразовательными отношениями оказались поэтому связаны формы типа **gresti*—**grabiti*. Однако самый тип чередований **e || *ō* пред-

¹³⁸ Срезневский II, стб. 759; III, стб. 847; II, стб. 342.

¹³⁹ Дополнение к Опыту, стр. 207.

¹⁴⁰ Срезневский I, стб. 317—318; II, стб. 1386.

¹⁴¹ Вук Караџић³, стр. 849; Iveković—Vroz I, стр. 161.

¹⁴² Д. Головски и В. М. Иллич-Свитыч. Македонско-русский словарь. М., 1963, стр. 526.

¹⁴³ В. Г. Богораз. Областной словарь Колымского русского наречия. — Сб. ОРЯС 68, № 4, 1901, стр. 102.

¹⁴⁴ Опыт, стр. 80.

¹⁴⁵ М. К. Герасимов. Указ. соч., стр. 397; Vasmer II, стр. 634.

¹⁴⁶ Б. А. Ларин. Указ. соч., стр. 191.

¹⁴⁷ Куликовский, стр. 130.

¹⁴⁸ Срезневский I, стб. 1165.

¹⁴⁹ J. Kuryłowicz. Le degré long en balto-slave. — RSl XVI, 1, 1948, стр. 8.

полагает утрату ступени *о. Поэтому в подобных случаях следует считаться с исчезновением промежуточных форм с огласовкой *о; к их числу относится и форма, предшествовавшая *kaziti¹⁵⁰, которую можно реконструировать как **koziti.

Древнейший каузатив **koziti я считаю производящей основой для праслав. **kostь (*kostiti) и *pakostь. Вторичный и единственно известный славянским языкам каузатив *kaziti мог послужить основой для образования *kastь, известного только великорусским говорам. *(pa)kostь и *kastь оказываются, таким образом, тождественными семантически и морфологически, но различными хронологически образованиями.

Если учесть, что производное от **koziti имя *pakostь и производные от *kaziti—*kastь, *skastь употребляются как названия хищных животных, грызунов и змей (см. выше), то можно предположить, что к **koziti восходят также диалектные козюля 'змея' и козявка 'мошка, букашка, жучок'.

СЛАВ. *lězo, *lězivo

Вариантность и прозрачность словообразовательной структуры восточнославянского названия лезвия (др.-русск. лезъ 'острие клинка'¹⁵¹, русск. диал. лез 'бочарный струг'¹⁵², каз. лэза, -ы, ж. 'лезвие у ножа, бритвы'¹⁵³, яросл. лэзо 'лезвие ножа или топора'¹⁵⁴, самар. лэзо долота¹⁵⁵, арх. лэзиво¹⁵⁶, русск. лит. лезвие, укр. лэзо¹⁵⁷, редк. лэзво 'лезвие'¹⁵⁸, блр. лэзиво 'лезвие'¹⁵⁹), а также отсутствие точных соответствий в других славянских языках могут свидетельствовать о сравнительно позднем возникновении этого праславянского диалектизма. Поскольку иноязычное происхождение соответствующей группы слов остается недоказанным, представляется целесообразным рассмотреть их отношение к славянским глаголам *lězti—*laziti, которое может быть более существенным, чем просто внешнее, случайное сходство.

В большинстве славянских языков глаголы *lězti—*laziti имеют значение 'ползти, пробираться'. В качестве родственных этим глаголам обычно рассматриваются лтш. lēžāt 'ползать', lēžēt, -ēju 'медленно идти, подкрадываться', др.-прусск. līse

¹⁵⁰ J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, стр. 297—298.

¹⁵¹ Срезневский II, стб. 16.

¹⁵² Даль II, стр. 246.

¹⁵³ Опыт, стр. 102.

¹⁵⁴ Мельниченко. Указ. соч., стр. 103.

¹⁵⁵ Шейн. Сказки Самарского края. — РФВ, XLI, 1899, стр. 56.

¹⁵⁶ Преображенский, стр. 444.

¹⁵⁷ Гринченко II, стр. 353.

¹⁵⁸ «Українсько-російський словник» II. Ред. І. М. Кириченко. Київ, 1958, стр. 437.

¹⁵⁹ Носович, стр. 267.

‘ползет’, а также лтш. *lēzens, lēzns* ‘плоский, ровный’, др.-исл. *lágr* ‘низкий’, ср.-в.-н. *laege* ‘плоский’, греч. *λαχός* ‘низкий’¹⁶⁰. Связь значений ‘ползти’ и ‘плоский, ровный (гладкий?)’, возможно, аналогична отношениям значений др.-русск. *пълзти* и *пълзѣтъи* ‘скользящий’¹⁶¹.

Особого внимания заслуживает специфическое употребление производных от глаголов **lězti—*laziti* в двух семантических сферах: во-первых, почти во всех славянских языках представлено корневое имя **lazъ* (или производные от него) со значением ‘тропа лесного зверя’ или (и) ‘поляна в лесу, расчищенное в лесу поле под пашню, просека в лесу’, или (и) ‘куча деревьев, срубленных и наваленных одно на другое’¹⁶²; во-вторых, в западно- и восточнославянских языках производные от рассматриваемых глаголов широко употребляются в терминологии бортничества и пчеловодства, ср. польск. *łazbić* ‘вырезать соты’, *łaziwo* ‘приспособления для влезания на бортное дерево’, *łazbień* ‘лавочка, на которой сидит бортник, вырезая соты’¹⁶³, блр. *лазбѣнь* ‘... 2) кадочка, выдолбленная из липового дерева или сделанная из луба, употребляемая пчеловодами при подчищении и обирании ульев, для складки меда’, *лазбѣка* то же, *лазѣць* ‘... 3) подрезывать, подчищать пчел’¹⁶⁴, русск. диал. *улáz* ‘подрезка, выемка сотов из ульев’¹⁶⁵ и т. д. Эти два круга производных свидетельствуют об осложнении значений ‘ползти, пробираться’ — через ступень ‘вырубить, расчистить, выровнять, чтобы пробраться, пройти’ и ‘влезть, взобраться, чтобы вырезать’ — вторичными значениями ‘рубить, расчищать, ровнять, резать’, которые хорошо согласуются со значениями родственных слов в балтийских и германских языках (ср. лтш. *lēzens* ‘плоский, ровный’). Ср. также известное многим славянским языкам выражение *волосы, шерсть, мех лезут* и русск. диал. *лезныи крестьянин* ‘одинокий и безземельный, бобыль’¹⁶⁶.

Представляется, что значение ‘лезвие’ может быть производным от этих вторичных значений глаголов **lězti—*laziti*: ‘лезвие’ как ‘режущая сторона’ ножа, клинка и т. п., ‘то, что режет’. Восточнославянское название лезвия в словообразовательных вариантах **lězo, *lězъ, *lězivo, *lězvo* является, следовательно, не случайно созвучным, а производным от глагола **lězti*¹⁶⁷.

¹⁶⁰ Vasmer II, стр. 26—27.

¹⁶¹ Срезневский II, стб. 1746.

¹⁶² Vasmer II, стр. 6; Machek, стр. 260.

¹⁶³ Karłowicz—Kryński—Niedźwiedzki II, стр. 803.

¹⁶⁴ Носович, стр. 264.

¹⁶⁵ Даль IV, стр. 487.

¹⁶⁶ Даль II, стр. 246.

¹⁶⁷ Реконструируя для восточнославянского названия лезвия корень **lěz-*, я предполагаю **ě* и в укр. *лез, лезиво* (см. ниже), хотя отклонение в данном случае от обычного отражения слав. **ě* как *i* в украинском языке требует особого рассмотрения.

Примечательно, что **lězivo*, которое является одним из вариантов названия лезвия, представлено также и с другими значениями: 1) польск. *leziwo* 'приспособления для влезания на бортное дерево'¹⁶⁸, укр. *лѣзиво* 'лестница из лыка (у бортников)'¹⁶⁹, 2) др.-русск. *лезиво* 'земельный участок' в тексте: А которые три *лезива* Виленской земли держали панъ Сенько Гостскіи, а панъ Андрей Чапличъ... ино билъ намъ челомъ (панъ Петрашко Мыльскіи), ижъ быхъ подтвердилъ ему тые писаные три *лезива* и зъ ихъ землями (грамота 1445 г.)¹⁷⁰ (ср. укр. *лази* мн. 'нарезки полей, участки'¹⁷¹). Возможно, во всех трех случаях представлена одна и та же форма, унаследовавшая в каждом случае различные значения производящего глагола **lěziti*.

¹⁶⁸ Karłowicz—Kruński—Niedźwiedzki II, стр. 727.

¹⁶⁹ Гринченко II, стр. 353.

¹⁷⁰ Срезневский II, стб. 16.

¹⁷¹ Гринченко II, стр. 341.

О НЕКОТОРЫХ ПОЗДНИХ ОБРАЗОВАНИЯХ В СИСТЕМЕ СЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛОВ НА *-i*

В генетически тождественных языках однотипные классы глагольных основ образуют самостоятельные системы, вступающие в сложные взаимные отношения. Каждая такая система имеет по меньшей мере два измерения: она оценивается с точки зрения состава основ и типа характерных для них структурных отношений.

В данной работе в качестве объекта исследования избираются отдельные фрагменты инвентаря глагольных основ на *-i* в славянских языках.

Ряды глагольных основ на *-i* в этих языках на уровне инвентарных единиц образуют перекрывающиеся друг друга системы. При сопоставлении данных систем и наложении их друг на друга, с одной стороны, выделяется общая часть, единая и тождественная для всех сравниваемых языков, а с другой стороны, выявляются ряды глагольных основ, имеющие ограниченную локализацию в пределах избранного нами пространства.

Совпадающие части глагольных классов (они объединяют больше трети общего состава глагольных основ) сохраняют устойчивость во времени и составляют ядро генетически связанных систем.

Наиболее подвижные и изменчивые элементы характеризует ограниченное распространение. Эти элементы представляют одновременно тождество и различие, тождество для одних систем и различие для других. Проблема их идентификации сводится по существу к установлению частных подсистем, совпадающих для двух или нескольких глагольных рядов. В системах глагола на *-i* с неодинаковым набором исходных единиц одна и та же содержательная категория может передаваться разными типами основ — основами разнокорневыми и однокорневыми, но оформленными по разным классам. Ср.:

1. чеш. *dařiti* 'удаваться', польск. *(z)darzyć, wydarzyć się* (Machek 80); польск. *jątrzyć* 'раздражать; гноиться (о ране); подстрекать' (с XVI в.), в др.-польск. также 'свирипеть, сердиться', чеш. *jitřiti* (арх. *jitřiti*) то же; слов. *jatriti'* (*sa*) то же;

н.-луж. *jětsiš se* 'гноиться (о ране)', в.-луж. *jětrīć so*; укр. *játryty* (*sja*), блр. *za-játricy* 'раздразнить, возбудить', ст.-слав. *ob-jętriti* 'разжечь'; в юж.-слав. языках этот глагол не засвидетельствован (Ślawski 541)¹.

2. польск. *lenić* (*się*), словц. *lient'sa*, словен. *leniti se*, укр. *linyty sja*, но: др.-чеш. *linati*, в.-луж. *līnać*, н.-луж. *linaś*, русск. *лнать*, с.-хорв. *linjati* (Machek 270); русск. *скользнуть*, с.-хорв. *kliziti*, но: польск. *osliznąć* 'становиться гладким', *zaślizgnąć*, *posłtzać się*, н.-луж. *sliznuś*, чеш. *slznouti*, *klouzati*, укр. *poslyznuty* 'исчезать', блр. *posliznuć sa*, русск. диал. *склизнуть* (Miklosich 300).

Довольно трудно вывести какие-то твердые закономерности в территориальном распределении однокорневых глагольных основ, получающих различное оформление в разных частях славянской области, во всяком случае это требует тщательного изучения. Применительно к вопросу о средствах выражения основ, соотносимых в плане содержания, можно лишь наметить в самых общих чертах основные линии, по которым проходит различие между глагольными системами.

Глагольная система в каждом языке вырабатывает в ходе исторического развития основные типы глагольных отношений. В целом эти отношения образуют сложную многослойную иерархию взаимопроникающих подсистем, различающихся степенью активности. Неравноценность их с точки зрения продуктивности определяет давление системы в том или в другом направлении. В славянских языках преобладает распределение однокорневых основ между I и IV, IV и III (на *-ati*) классами. Более зыбки и подвижны соотношения между глаголами на *-iti* || *-nqti*, *-iti* || *-vati*, *-iti* || *-ěti*, характеризующимися общностью корневой морфемы. Во всех этих случаях можно только констатировать, что глаголы на *-i* в одних славянских языках соответствуют образованиям на *-nq*, *-vati*, *-ěti* в других языках. При этом может и не быть полного тождества означаемых, так как функциональная нагрузка любого элемента определяется его положением в системе.

Из всех этих явлений нашему рассмотрению подлежит очень небольшая, территориально ограниченная группа глаголов на *-iti*, которой в других частях славянской языковой области соответствуют глаголы на *-sti*, *-chati*, *-skati*. Изучаемые нами явления относятся к сфере глагольной деривации. Для анализа были использованы материалы древнерусского, древнечешского, польского и сербско-хорватского словарей. Основные сведения о сфере распространения разнооформленных основ получены нами из этимологических исследований по данным языкам.

¹ Для всех языков, кроме русского и древнерусского, мы сохраняем латинскую транскрипцию используемых источников.

Класс глаголов на *-i* в целом носит производный характер. Он сформировался на базе именных и глагольных основ. Будучи продуктивным, этот класс постоянно пополнялся все новыми образованиями. Одним из источников его пополнения являются архаичные глаголы I класса. Во всех славянских языках основы на *-e/o* принадлежат к мертвому типу, состав их значительно сократился в силу экспансии глаголов других классов: на *-tti*, *-nġti*, *-čti*². Общая тенденция к переключению глагольных основ из I класса в другие классы, и в особенности в IV класс, реализуется в славянских языках в разные хронологические периоды. Наиболее древние деривативные корреляции основ на *-i* и исходных для них основ на *-e/o* построены на фонеморфологическом чередовании корневых гласных. Некоторые из этих производных глаголов IV класса получают очень узкое распространение, что в какой-то степени может свидетельствовать о диалектном их происхождении. Более многочисленны случаи оформления непродуктивных основ на *-e/o* по IV классу без чередования, обе основы, исходная и производная, отличаются только суффиксальным показателем. Как показывает сопоставительный анализ глагольных систем славянских языков, такой способ образования глаголов на *-i* складывается в период самостоятельного развития отдельных языков, когда вокалические чередования перестали быть живыми и продуктивными.

I. 1. В первую очередь рассмотрим глаголы на *-t*, произведенные от основ I класса с помощью вокалических чередований. В отличие от глаголов типа *носить*, *водить* данные образования не имеют повсеместного распространения. Они составляют принадлежность только некоторых славянских языков. Формирование их следует отнести к эпохе диалектного развития праславянского языка.

др.-русск. *ударити* (Срезневский III, 1145), но:

чеш. *u-deřiti*

польск. *uderzyć*

п.-луж. *děriš* (Berneker 180)

др.-русск. *дѣрати, дѣру* (Срезневский I, 720)

Только в древнерусском языке образование глагола на *-iti* сопровождается чередованием гласных в корне³. В других язы-

² Так, в старославянской грамматике представлено 70 глаголов I класса, из них только 37 сохранилось в современном польском языке. См.: Maria Malcówna. Archaizmy I konjugacji I kl. w języku polskim. — JP XXXVI, 5, 1956, стр. 325—345.

³ В данной работе мы ограничиваемся констатацией представленных чередований. В наши задачи не входит рассмотрение природы вокалических чередований генетических отношений чередующихся рядов. Эти вопросы исследуются в работах: А. Meillet. Les alternances vocaliques en vieux slave. — MSL 14, fasc. 4, 1906, стр. 193—210; П. С. Кузнецов. Чередования в общеславянском языке-основе. — ВСЯ I, 1954.

ках переход этой основы в IV класс осуществляется без чередований. Разноформленные основы на *-i*, видимо, принадлежат разным хронологическим срезам.

др.-русск. *пронъзити*, с чередованием *нанозитиса* 'наколется, наткнуться' (Срезневский II, 304), *сънузити* 'пронзить, поразить' (там же, III, 778)
чеш. *noziti*, *pronoziti* (Brückner 364)
др.-чеш. *nuziti* (Šimek 89)

др.-русск. *нъзти*, *нъзу* 'пронзить' (Срезневский II, 482—483)
ст.-слав. *nъsti*, *nъžeti*, *nъznqti* (Miklošich 214)
др.-чеш. *nzieti* (Šimek 98)

В современных языках преобладают образования с этим корнем на *-ati*: русск. *низать*, укр. *nyzaty*, блр. *nizać*, польск. *naižać*, с.-хорв. *nizati*; в чешском этот глагол имеет показатель II класса: *venznouti* (Miklošich 214).

др.-русск. *нырити* 'погружаться, устремляться' (Срезневский II, 482), *изнурити*, *пронурити* 'потерять, растратить' (там же, II, 1551)
укр. *ponúryty*
блр. *núrić*
др.-болг. *iznuriti*
польск. *nurzyć* (Vasmer II, 231), *norzyć* (Brückner 365)
чеш. *pořiti* 'лить слезы' (Šimek 98)

др.-русск. *понерети*, *понру* 'погрузиться' (Срезневский II, 1184)
ст.-слав. *vъnrěti*
укр. *nerty*
с.-хорв. *zanere* (Brückner 365)

Исходной основе I класса со ступенью редукции в корне соответствуют глаголы IV класса с разной огласовкой. Архаичная основа на *-e/o* вытесняется также итеративными образованиями на *-ati* с огласовкой, отражающей степень удлинения корневого гласного: ср. русск. *нырать*, укр. *niráty*, ст.-слав. *ntrjati*, с.-хорв. *pōnirati*, *pōnirēm* (Vasmer II, 233).

русск. *сучить* 'вертеть, за-сучить' (Vasmer III, 42)

русск. *сукать*
укр. *sukáty*
с.-хорв. *súkati*, *sūčēm*
словен. *súkati*, *súkam*
чеш. *soukati*
польск. *sukać* (Vasmer III, 42; Miklošich 440)

Только русский язык переводит данный глагол в IV класс.

русск. <i>сторожить</i>	др.-русск. <i>стеречи</i> (Срезневский III, 513)
с.-хорв. <i>stražiti</i>	ст.-слав. <i>strěšti</i>
н.-луж. <i>strožiš</i> (Machek 481)	словен. <i>streči, strežem</i>
	польск. <i>strzeć, strzegę</i>
	др.-чеш. <i>střieci, střěhu</i> (Machek 481)
	укр. <i>sterečy</i> (Miklosich 293)

Вполне возможно, что данный глагол на *-iti* является производным от имени. Нет достаточно надежных оснований для решения вопроса о характере исходной основы.

русск. <i>про-торить</i>	русск. <i>тереть</i>
укр. <i>torjty</i>	блр. <i>cerci</i>
блр. <i>torić</i> 'прокладывать путь' (Miklosich 352—353)	ст.-слав. <i>trěti, tьrъ</i> и др. (Miklosich 352—353)
ст.-слав. <i>otvraziti</i> 'открыть'	русск. <i>отверзти</i>
	ст.-слав. <i>-vrěsti, -vrъzъ</i>
	с.-хорв. <i>vrstl se, vrzem</i>
	чеш. <i>vrzati</i> (Miklosich 386)

Узкую сферу распространения имеет также глагол *znobiti*, производный от основы *zъb-*:

др.-русск. <i>при-зnobити</i> (Срезневский II, стб. 1401), параллельно представлена основа без чередования гласных в корне <i>zabbiti</i> 'производить, порождать' (Срезневский I, 1015)	русск. диал. <i>зябти, зябѹ</i>
укр. <i>znobyty</i> (Miklosich 401)	блр. <i>zabci</i>
	ст.-слав. <i>zęti</i>
	с.-хорв. <i>zebsti, zebem</i>
	чеш. <i>zábsti</i>
	польск. <i>ziąbicić, ziębicić</i> (Miklosich 401)

Представлен и третий вариант этой основы — на *-nъ*: ср. русск. *зябнуть*, укр. *zabnuty*, чеш. *zábnouti*, польск. *ziębnąć* (Miklosich 401).

К рассмотренным выше глаголам на *-iti* по своей структуре примыкают некоторые глаголы, образованные от основ III класса. Некоторые из этих образований представлены в очень немногих языках ⁴.

др.-чеш. <i>naviti</i>	русск. <i>ныть</i>
(Gebauer II, 515), <i>unaviti</i>	ст.-слав. <i>nyti</i> и др.
'утомлять' (Šimek 194)	

⁴ Но ср. *пити*—*поити*, *жити*—*гоити* и др., являющиеся принадлежностью всех славянских языков.

В следующих двух основах на *-i* представлено чередование конечных элементов основы *-i/v*:

чеш. } *taviti* 'растоплять,
слвц. } плавить' (Vasmer III, 84) др.-русск. *тапати* и др.

др.-чеш. *navš-čieviti* (Gebauer II, 518), *vš-čieviti* < *vъz-čieviti*, совр. *navštíviti* 'посещать' с.-хорв. *čūjem, čūti*
словен. *čūjam, čūti*
чеш. *čítí, číji*
др.-чеш. *-čūti, čuju* (Berneker 162)

2. Одним из возможных способов устранения непродуктивных основ I класса является оформление их по образцу IV класса без чередований гласных в корне. Такой способ образования был достаточно живым, хотя и не очень продуктивным,

с.-хорв. *blediti* (RJA I, 434) с.-хорв. *blesti, bledem* (RJA I, 436)
в.-луж. *bledzić* (Berneker 60) ст.-слав. *blęsti* и др.

Такой же тип отношений представлен в следующих глаголах:

с.-хорв. *bluditi, bludim* с.-хорв. *blūsti, blūdem*
(XIII в.) ст.-слав. *blusti* и др. (RJA I, 456)

Ниже рассматриваются две глагольные основы, сохраняющие свое исконное оформление во всех языках, кроме сербского:

с.-хорв. *cvàtiti, cāv̄titi* с метатезой, *cāv̄tjeti* (Berneker 657) русск. *цвѣсти*
укр. *cvýsty*
др.-болг. *pro-cvisti*
с.-хорв. *cvàsti, cvâtēm*
словен. *cvēsti, cvētem*
др.-чеш. *kvísti, ktvu*
польск. *kwiść* (Berneker 657—658)

с.-хорв. *čatiti čâtīm* 'читать' с.-хорв. *čísti*
(RJA I, стр. 915) др.-сербск. *čьtu*, позднее *čtēm*
(XIII—XVI вв.) (RJA II, 44)

В некоторых языках эта основа получает показатель *-ati*.

русск. *долбить* с.-хорв. *dūbēm, dūpsti*
блр. *dolbić* словен. *dólbem, dólbsti* (Vasmer I, 359)

Данная корневая морфема представлена и в классе глаголов на *-ati*: ср. русск. *долбать*, болг. *dǎlbǎz, dǎlbǎjǎz*, чеш. *dlubu, dloubati*, словц. *dlbat'*, польск. *dlubię, dlubać*, н.-луж. *dlypaś* (Berneker 250—251).

др.-русск. *гудити* 'хулить'
(Срезневский I, 608)
укр. *hudity*
польск. диал. *gędzić*
в.-луж. *hudzić* (Berneker 340)

др.-русск. *густы, гуду* 'играть на струнном инструменте' (Срезневский I, 611)
укр. *husty, hudú*
ст.-слав. *gusti*
др.-серб. *gústi, gúdem*
словен. *gǫsti, gǫdem* 'ворчать, гудеть'
чеш. *hudu, housti*
др.-польск. *gąść, gędeę* (Berneker 340)

В связи с развитием в славянских языках корреляции глаголов на *-ati, -ęti* данная глагольная основа получает оформление по классу на *-ęti*: ср. др.-русск. *гудѣти*, совр. с.-хорв. *gùdjeti, gùdim* (Berneker 340).

чеш. *koliti* 'закалявать' (ČSAV II, 201)

др.-русск. *колоти* (Срезневский I, 1258)
чеш. *kláti, klám*, арх. *koli* 'колоть, резать' (ČSAV II, 122)

Образования типа русск. *колотити* < **koltiti* являются общеславянскими.

русск. диал. *на-лячить* 'на-тянуть'
чеш. *líčiti* 'строить ловушку, расставлять сети', редко *lěčiti* (ČSAV II, 581)

др.-болг. *na-lęšti sǎlęšti* 'изгибать'
др.-чеш. *lěci, leku*
в.-луж. *lac, laku* 'ставить ловушку' (Berneker 707)

В соответствии с этими двумя вариантами основ, имеющими очень узкую локализацию, представлено общеславянское выражение корневой морфемы *-lęk-* по IV классу с чередованием: русск. *отлучить, разлучить*, с.-хорв. *lúčiti*, чеш. *loučiti*, польск. *łączyć* 'объединять'.

др.-русск. *умьрзити* 'осквернить' (Срезневский III, 1220)
укр. *merzýty*
с.-хорв. *mǎziti, mǎzim* 'ненавидеть'

др.-русск. *намьрзти* 'замерзнуть' (Срезневский II, 300)
чеш. *mrzeti* 'быть отвратительным' (Machek 34)
словц. *mrzet'* (Vasmer II, 121)

словен. *mrzíti* 'испытывать
отвращение'
польск. *mierzić*
н.-луж. *mjerziś* (Vasmer II,
121)

В славянских языках данный непродуктивный глагол I класса более последовательно устраняется образованиями на *-nǫti*: ср. др.-русск. *мързнути*, др.-болг. *mrъznǫti*, с.-хорв. *mъznuti se*, чеш. *mrznouti*, польск. *marznąć*. Следует заметить, что эти однокорневые основы на *-iti*, *-nǫti* семантически разошлись.

чеш. *plížiti se* 'подползать,
подкрадываться' (ČSAV IV,
327) русск. *ползти*
блр. *połźć*
ст.-слав. *plъsti* (Miklosich,
237)

Общеславянским вариантом является основа на *-iti* с изменением корневого вокализма типа русского *положить*.

чеш. *spasiti* (Šimek 170) русск. *спасти*
укр. *spastý*
ст.-слав. *spъpasti* (Machek 466)
др.-чеш. *spásti* (A. Lamprecht
а D. Slosar. Vývoj českého
hlaskosloví а tvarosloví.
Praha, 1962, стр. 181)

В данном случае только чешский устраняет основу I класса, в других славянских языках эта основа устойчива и неизменна.

др.-русск. *сърѣтуми* (Срезневский III, 571) др.-русск. *сърѣци* (Срезневский III, 818)
русск. *встретить* блр. *vstrec*
укр. *sustrityty* (Vasmer II,
244) др.-болг. *srěsti, srěštq* (Supr)
с.-хорв. *srěsti, srětēm*
ст.-польск. *pośrześć* (Vasmer
II, 244)

В чешском и словацком данная корневая морфема получает суффикс *-nǫti* (ср. чеш. *střetnouti*, словц. *stretnut'*), а в словенском и польском — *-ati* (ср. словен. *srěčati*, польск. *pośrzatać się*).

с.-хорв. *sopiti* 'пыхтеть'
чеш. *osapiti se* — с чередованием

русск. диал. *conти*
укр. *sopsti*
ст.-слав. *sopsti*
с.-хорв. *sopsti* (Miklosich 316)

Параллельно выступают основы на *-ěti, -ati* (русск. *coněти*, чеш. *sápati*, польск. *sapać*, укр. *zasapaty ša*).

русск. *стелить*
укр. *postelyty*
польск. *ścielić* (Brückner 493)

русск. *стлать*
блр. *slać*
польск. *posłać*
в.-луж. *slać*
чеш. *stláti* (Miklosich 320—321)

русск. *-шибить* 'бросить, ударить'
укр. *vyšybsty* 'выталкивать' (Miklosich 339)

В этих языках представлены и соответствующие образования на *-ati*: русск. *-шибать*, укр. *šybaty*, ст.-слав. *ošibatisę*.

в.-луж. *šepić* 'стучать'

русск. диал. *ymenmu*
укр. *tepsty, tetu*
ст.-слав. *teti* 'ударить'
с.-хорв. *tepsti se*
чеш. *tepsti, tepu* 'ударить'
(Miklosich 352)

Как видно из приведенного материала, глаголы непродуктивного I класса в различной степени подвержены изменениям в славянских языках. В одних частях языковой области они неизменны, в других они более подвижны и подпадают под действие аналогических процессов, ведущих к устранению архаических элементов в системе, причем состав этих подвижных основ не совпадает для славянских языков.

II. Значительное место в системе славянского глагола принадлежит основам на *-chati*⁵, *-skati*, разделяющим особенности глаголов III класса. Некогда показателями их производности служили суффиксальные элементы *-ch, -sk*, но на том хронологическом уровне, который отмечается словарями древнерусского, древнечешского и других языков, эти основы представляются неразложимыми. Для нас эти основы представляют интерес в том отношении, что некоторые из них переоформируются по образцу глаголов IV класса. Знаком деривации являются чередования согласных элементов в исходе корневых морфем. Многие из этих глаголов выступают в окружении образований на *-nqti* со значением совершенного вида. Некоторые факты внутрисистемных отношений показывают, что эти основы на *-nq* относятся к более поздним образованиям, они не могут служить источником интересующих нас глаголов на *-iti*.

⁵ V. Machek. Les verbes slaves en *-chati*. — LP IV, 1953, стр. 111—137.

1. с.-хорв. *būšiti* 'ударить, бросить'
 чеш. *bušiti* 'бить молотком, стучать'
 русск. *бухать*
 укр. *būchaty*
 словен. *būhati* 'толкать, ударять'
 чеш. *bouchati*
 польск. *buchać* (Berneker 97)

Существует и основа на *-nq*: с.-хорв. *būhnuti* 'откалывать', польск. *buchnąć*. При наличии этой основы в языке проводится противопоставление глаголов на *-nqti* и *-šiti/-chati*. Последние не дифференцируются в плане содержания.

- с.-хорв. *grūšim*, *grūšiti* 'то- лочь, разрушать' (RJA III, 483)
 болг. *grūham* 'толочь'
 с.-хорв. *grūhati*, *grūhām* 'с шумом ударить'
 словен. *grūšati* 'искрошить'
 польск. *gruchać* 'ворковать' (Berneker 358—359)

Очень распространено образование на *-nqti* для этих глаго- лов: ср. русск. диал. *грукнуться*, укр. *hrúchnuty* 'шуметь, гро- хотать, каркать', с.-хорв. *grūhnuti*, польск. *gruchnąć* 'сильно ударить, с шумом упасть' (Berneker 358—359).

- с.-хорв. *jāšiti*, *jāšim* (на се- вере с XVII в.) (RJA IV, 487)
 с.-хорв. *jahati* (RJA IV, 487)
 др.-русск. *ѣхати* и др.
 с.-хорв. *māšiti*, *māšim* prf., ср. *mašati se* imprf. (RJA IV, 511)
 с.-хорв. *mahati*, *māhnuti*
 русск. *махать* (RJA VI, 375)
 с.-хорв. *nūšiti*, *nūšim* / *nānu- šiti*, *prīnušiti* 'нюхать' (RJA VIII, 286)
 русск. *нюхать*
 с.-хорв. *pāšiti*, *pāšim* 'при- пахивать, вонять'
 русск. *пахнуть*
 чеш. *pachnouti*
 польск. *pachnąć* (RJA IX, 695)

Приводимые примеры показывают, что наиболее последова- тельно проводятся образования на *-iti* от основ на *-ch-* в серб- ском языке.

- ст.-слав. *vъznyšiti se*, *vъzni- šiti se*, *zanišiti se*.
 с.-хорв. *nihati*, *njihati* 'ка- чать'
 словен. *nihati*
 укр. *nišati* (Miklosich 218).
 Сюда же относят

чеш. *konýšiti, konoušiti* 'качать, холить, баловать'

ст.-слав. *vъsrašiti*

словен. *nasršiti se* 'топорщиться'

с.-хорв. *stršiti*

блр. *šeršić* 'делать шероховатым'

русс. *шерошить*

ст.-слав. *srъšati*

словен. *sršati* 'быть шершавым'

блр. *šerchać* (Miklosich 293)

Как видно, в некоторых языках глаголы на *-iti* вытеснили первоначальные образования на *-chati*.

др.-чеш. *kšiti*

чеш. *kýchati, kýchnouti*

польск. *kchnąć* (Machek 252—253)

2. Те же особенности обнаруживают и некоторые глаголы с исходной основой на *-sk*. Как и глаголы на *-chati*, они втягиваются в сферу действия глаголов IV класса в некоторых славянских языках.

с.-хорв. *bliještiti—liještiti se*
(RJA I, 439; VI, 82)

польск. *bleszczyć* (XVI—XVII вв.) (Berneker 63)

с.-хорв. *bliješkatī, blijeskām*
(RJA I, 438)

др.-русс. *блестѣти*
укр. *blestaty*

польск. *bleszczeć się* (Berneker 63).

Исходная основа на *-sk* может входить как в III, так и в IV класс (*-ěti*).

русс. *лощить* 'полировать'
с.-хорв. *lâštiti, lâštim* (RJA V, 918)

ст.-слав. *lъštati se*

В польском и чешском данная корневая морфема на *-sk* входит в класс глаголов на *-nq*: польск. *lsnąć*, чеш. *lsknouti se* (Brückner 302).

с.-хорв. *prâštiti, prâštim* 'трещать, греметь, стрелять, трубить'

с.-хорв. *prâskati*

чеш. *praskati*
польск. *praskać* (RJA XI, 372)

с.-хорв. *pištiti, pištim* (RJA IX, 891)

с.-хорв. *pištati, pištim* 'пищать, визжать', *piskati, pismuti*

польск. *piskać, piszczyć*
словен. *piskati, pištěti* (RJA IX, 889—90).

ст.-слав. *trěštiti*
чеш. *třeštiti* 'ударить'

ст.-слав. *trěštati, trěskati*
словен. *trěščati, trěskati*
польск. *trzeszczeć*
укр. *triščaty*
блр. *treskać*
русск. *трещать* (Miklosich
361)

Представлена с этим корнем и основа на *-nq*: ст.-слав. *trěsnqti*, с.-хорв. *tresnuti*, польск. *strzasnąć*, русск. *треснуть*.

с.-хорв. *s-tišćiti* (RJA XVI,
581)

с.-хорв. *tištati, tištīm* 'давить,
жать' (Iveković—Broz II,
572)

чеш. *tisknouti*

с.-хорв. *natuštiti se, stuštiti se*
'нахмуриться, помрачить'

русск. *мыкнетъ, мыкнутьъ*
н.-луж. *tuskaš, tusnuš* (Miklosich 365)

Из всего сказанного выше следует, что деривация некоторых глаголов на *-iti* от основ I класса и от основ с исходными элементами *-sk, -ch* непоследовательно проводится славянскими языками. Эти производные глаголы на *-i* можно отнести к наиболее позднему слою девербативных образований. Исключение составляют те немногие основы на *-iti*, которые связаны с исходными глаголами фонеморфологическими чередованиями. Они сложились, видимо, в период диалектного развития праславянского языка.

**ЗАМЕТКИ О МЕТОДОЛОГИИ
ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ТУРЕЦКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ
В СЕРБСКО-ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ**

§ 1. До сих пор нет еще этимологического словаря сербско-хорватского языка¹, в котором нашли бы свое место турецкие заимствования в этом языке. Нет также отдельного этимологического словаря турецких заимствований в сербско-хорватском языке вроде этимологического словаря арабских заимствований в испанском языке² или этимологических словарей восточных заимствований во французском³ и немецком⁴ языках. Не удовлетворяет нас в этом отношении и «Этимологический словарь восточных слов в европейских языках» К. Локоча⁵, в котором сербско-хорватский материал (а также и болгарский) очень скуден, тогда как македонского вообще нет. Хотя нет этимологического словаря сербско-хорватских турцизмов в полном смысле этого слова, но все-таки имеется несколько работ, написанных в виде такого словаря. Это работы Дж. Поповича⁶, Л. Маринко-

¹ Об этимологическом словаре сербско-хорватского языка, написанном П. Скоком, см. ВЯ 1959, № 5, стр. 91—101. Словарь этот до сих пор еще не издан.

² D. B. de Eguilaz y Yanguas. Glosario etimológico de las palabras españolas de origen oriental. Granada, 1886; E. K. Neuvonen. Los arabismos del español en el siglo XIII (= «Studia Orientalia» X, 1). Helsinki, 1911.

³ L. M. Devic. Dictionnaire étymologique des mots français d'origine orientale (arabe, persan, turc, hébreu, malais). Paris, 1876.

⁴ E. Littmann. Morgenländische Wörter im Deutschen. Nebst einem Anhang über die amerikanischen Wörter. 2. Aufl. Tübingen, 1924.

⁵ K. Lokotsch. Etymologisches Wörterbuch der europäischen (germanischen, romanischen und slavischen) Wörter orientalischen Ursprungs. Heidelberg, 1927.

⁶ Џ. Поповић. Турске и друге источанске речи у нашем језику. Грађа за велики српски речник. — «Гласник Српског ученог друштва» 59, 1884.

вича⁷, Дж. Д. Припса⁸, П. Скока⁹, А. Шкалича¹⁰, Н. К. Дмитриева¹¹, А. Кнежевича¹² и обобщающий труд Ф. Миклошича¹³. В этих работах собран огромный материал, хотя все-таки еще неполный. Но у этих работ большие недостатки как со стороны славистической, так и тюркологической.

§ 2. Относительно недостатков со славистической стороны нам хотелось бы сказать несколько слов о следующих проблемах, которые не учитываются авторами упомянутых выше работ.

а) В большинстве работ, написанных до сих пор, все туземные заимствования в сербско-хорватском языке рассматриваются как свойственные только литературному языку, тогда как дело обстоит совершенно иначе. Большинство заимствований — это прежде всего слова, присущие разным диалектам сербско-хорватского, и только небольшое их количество принадлежит литературному языку. Авторы этих работ почти совсем не обращают внимания на фонетические и акцентологические варианты этих заимствований, а иногда даже и на семантические различия, которые встречаются в диалектах.

б) Второй большой недостаток этих работ — это полное отсутствие исторических данных. Ни в одной из них мы не

⁷ Louka K. Marinkovitch. Vocabulaire des mots persans, arabes et turcs introduits dans la langue serbe. — «Verhandlungen des 5. Internationalen Orientalisten-Congresses gehalten zu Berlin im September 1881», 2. Teil, 2. Hälfte. Berlin, 1882, стр. 299—332.

⁸ John Dyneley Prince. Surviving turkish elements in Serbo-croatian. — JAOS 51, 3, 1931, стр. 241—261.

⁹ P. Skok. Prilozi proučavanju turcizama u srp.-hrv. jeziku. Dio prvi: Bosansko-hercegovački novi materijal. — «Slavia» XV, 1937—1938, стр. 166—190, 336—366, 481—505.

¹⁰ A. Škaljić. Turcizmi u narodnom govoru i narodnoj književnosti Bosne i Hercegovine, I—II (= «Bilten Instituta za proučavanje folkloru u Sarajevu». Dopusna izdanja 2). Sarajevo, 1957.

¹¹ Н. К. Дмитриев. Этюды по сербско-турецкому языковому взаимодействию. — «Доклады АН СССР», серия В, 1928, стр. 17—22, 268—275; 1929, стр. 89—95, 103—108.

¹² А. Кнежевић. Die Turzismen in der Sprache der Kroaten und Serben (= «Veröffentlichungen des slawisch-baltischen Seminars Münster i. Westfalen», 3). Meisenheim, 1962. — Эта книга была для меня недоступна, и поэтому мои замечания о работах по турецким заимствованиям в сербско-хорватском языке совсем не касаются работы Кнежевича.

¹³ F. Miklosich. Die türkischen Elemente in den süd-ost-und osteuropäischen Sprachen (Griechisch, Albanisch, Rumunisch, Bulgarisch, Serbisch, Russisch, Polnisch). — «Denkschriften der k. Akademie der Wissenschaften in Wien», philos.-hist. Classe XXXIV, 1884, стр. 239—338; XXXV, 1885, стр. 105—192; XXXVII, 1887, стр. 1—88; XXXVIII, 1888, стр. 1—188. Рецензии: Th. E. Korsch. — AfsI Ph VIII, 1885, стр. 637—647; IX, 1886, стр. 487—520, 653—682; F. von Kraeplitz-Greifendorst. Corollarien zu F. Miklosichs «Die türkischen Elemente...». — «Sitzungsberichte der k. Akademie der Wissenschaften in Wien», philos.-hist. Classe 166. Wien, 1910.

найдем никаких указаний относительно хронологии турецких заимствований в сербско-хорватском языке¹⁴, а ведь без исторической документации мы не в состоянии сказать что-нибудь об истории сербско-хорватских турцизмов.

в) Третий недостаток — это отсутствие сравнительных материалов из других балканских языков. В большинстве балканских языков имеются эквиваленты сербско-хорватских турцизмов, поэтому было бы целесообразным сопоставить сербско-хорватские турцизмы с турцизмами других балканских языков. Ведь очень часто, если не всегда, балканские турцизмы были заимствованы из одних и тех же турецких говоров на Балканах и более или менее в одно и то же время. Кроме того, в большинстве случаев у них тождественная фонетическая форма и тождественное или мало дифференцированное значение.

Таким образом, работы по турецким заимствованиям в сербско-хорватском (и в других балканских языках) нуждаются в привлечении географических, исторических и сравнительных балканских материалов.

§ 3. Еще больше недостатков в этимологическом объяснении сербско-хорватских турцизмов находим с тюркологической точки зрения. Как известно, большинство работ по вопросам тюркских заимствований в славянских языках было написано славистами, которые очень часто не были знакомы с историческим развитием тюркских (и прежде всего турецкого) языков. Этим и объясняются ошибки и недостатки в тюркологической части их работ. На эти недостатки и их источники обратил внимание уже тридцать лет назад польский тюрколог Т. Ковальский в своем докладе «W sprawie metodologii badań zapożyczeń tureckich w językach słowiańskich», прочитанном на I Съезде славянских филологов в Праге в 1929 г.¹⁵ Но, к сожалению, с того времени мало что изменилось в области исследований тюркских заимствований в славянских языках. В течение последних тридцати лет было написано несколько работ по этому вопросу. Некоторые из них, как, например, статья Н. К. Дмитриева «О тюркских элементах русского словаря»¹⁶,

¹⁴ Некоторую историческую документацию мы можем найти в Словаре Югославской Академии наук, изданном в Загребе, но мы должны здесь сразу заметить, что не все турецкие заимствования в этом словаре имеют историческую документацию, а при тех турцизмах, где она имеется, она не всегда самая древняя. Поэтому этим словарем надо пользоваться очень осторожно.

¹⁵ «Sborník prací I. Sjezdu slovanských filologů v Praze 1929», sv. II. Praha, 1932, стр. 554—556; в новейшее время писал об этом Г. Хазаи (G. Hazai) в своей статье: «Remarques sur les rapports des langues slaves des Balkans avec le turc-osmanli». — «Studia Slavica» VII, 1961, стр. 97—138, особенно стр. 117—136.

¹⁶ «Лексикографический сборник» III, 1958, стр. 3—47.

учитывают методологические замечания Ковальского; другие работы, как, например, недавно вышедшая в свет работа А. Шкалича о турецких заимствованиях в говорах Боснии и Герцеговины¹⁷, совсем игнорируют эти замечания.

Ковальский справедливо замечает в своей статье, что все ошибки в тюркологической части этимологии славянских тюркизмов сводятся к трем основным пунктам: 1) не учитывается хронология заимствований; 2) в качестве источника славянских тюркизмов рассматривается исключительно турецкий язык без учета других тюркских языков; 3) как источник заимствования учитывается только литературный язык с упущением диалектов.

§ 4. Полностью соглашаясь с Ковальским, мы хотели бы несколько долее задержаться на каждом из названных выше пунктов, применяя их к турецким заимствованиям в сербско-хорватском языке.

ad 1. Турецкие слова в сербско-хорватском языке заимствовались в разное время. Самые старые заимствования относятся к XV в., а самые молодые — к первой половине XIX в. Можно поэтому сказать, что турецкие слова попадали в сербско-хорватский язык на протяжении почти пяти столетий. Объясняя все турецкие заимствования в сербско-хорватском языке исходя из форм современного турецкого языка, мы делаем большую ошибку, которая мешает нам объяснить правильно фонетические различия между сербско-хорватскими турцизмами и их современными турецкими эквивалентами. С этой ошибкой связана и другая ошибка, а именно: очень часто нам кажется, что эти различия возникли в сербско-хорватском языке, тогда как чаще всего дело обстоит совсем наоборот. Чтобы правильно этимологизировать турецкие заимствования в сербско-хорватском языке, мы должны помнить о тех фонетических изменениях, которые совершились в турецком языке от XV до XIX в. Здесь прежде всего надо помнить о таких фонетических явлениях, как: 1) гармония гласных, 2) губная ассимиляция, 3) негубная ассимиляция, 4) развитие *ö* в *ü*, 5) выпадение согласного *h*, 6) монофтонгизация дифтонгов и т. п. С этой точки зрения турецкие заимствования в сербско-хорватском языке обнаруживают значительные различия по отношению к современным турецким эквивалентам.

Большую помощь при исследовании этимологии турецких заимствований в сербско-хорватском языке (как и в других балканских языках) оказывают нам турецкие тексты, написанные иным алфавитом, чем арабский: это так называемые тран-

¹⁷ A. Škaljić, Turcizmi u narodnom govoru i narodnoj književnosti Bosne i Hercegovine, I—II («Bilten Instituta za proučavanje folkloru u Sarajevu», Dopunska izdanja 2). Sarajevo, 1957.

скрипционные тексты¹⁸. В этих текстах находим часто точные фонетические эквиваленты сербско-хорватских турцизмов.

ad 2. Уже Т. Ковальский правильно заметил, что нельзя искать источников тюркских заимствований в славянских языках только в турецком языке, опуская другие тюркские языки. Ведь славяне в своей истории соприкасались не только с турками-османами, но и со многими другими тюркскими народами. Следовательно, тюркские слова в славянских языках были заимствованы из разных тюркских языков: так, например, тюркские заимствования в польском языке происходят главным образом из языка татар Крымского ханства; в русском языке мы встречаем заимствования из разных тюркских языков (Средней Азии, Алтая и Кавказа), но прежде всего из татарского языка, тогда как заимствований из турецкого языка имеется очень мало. Только для южнославянских турцизмов (сербско-хорватских, болгарских, македонских) почти единственным источником заимствования является турецкий язык; заимствования из других тюркских языков (например, из кыпчакских) в этих языках очень редки.

ad 3. Третий недостаток в исследовании славянских турцизмов — это, по Ковальскому, стремление базироваться только на литературном языке, игнорируя полностью диалекты и повседневный разговорный язык. Из истории контактов балканских славян с турками нам известно, что южные славяне встречались прежде всего с языком турецких солдат, турецкой военной и гражданской администрации, а в восточной части Балканского полуострова также с языком турецких поселенцев (крестьян и торговцев), язык которых не был литературным языком. Это был разговорный язык крестьян, торговцев, чиновников и солдат. Объясняя этимологически южнославянские (и вообще балканские) турцизмы, мы должны об этом помнить и всегда учитывать — насколько это возможно — данные турецких говоров на Балканах. Для сербско-хорватских турцизмов большую ценность представляют западно-балканские говоры (так называемые западнорумелийские говоры) турецкого языка, которые в прошлом были основным источником заимствования турецких слов в сербско-хорватский язык.

Подводя итог вышесказанному, нам хотелось бы заметить, что правильная этимология сербско-хорватских турцизмов должна учитывать следующие пункты:

¹⁸ Относительно полный перечень турецких транскрипционных текстов находится в работах: W. Heffening. Die türkischen Transkriptionstexte des Bartholomaeus Georgievits aus den Jahren 1544—1548. Ein Beitrag zur historischen Grammatik des Osmanisch-türkischen. — «Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes» XXVII, 2, 1942; G. Hazai. Указ. соч., стр. 136, примеч. 71.

1) со славистической точки зрения: а) историю заимствования в сербско-хорватском языке; б) географическое распространение турцизма в современном сербско-хорватском языке и его диалектах; в) сравнение с другими балканскими языками;

2) с тюркологической точки зрения: а) подбор исторических данных для сербско-хорватского турцизма, чтобы узнать, какова была фонетическая и морфологическая форма турецкого слова во время заимствования его сербско-хорватским языком; б) определение формы сербско-хорватского турцизма в современных турецких говорах, прежде всего в западнобалканских.

Но это — теоретические предпосылки, осуществление которых при современном состоянии наших знаний об истории и географии этих слов как в сербско-хорватском, так и в турецком языках не совсем еще возможно. Для сербско-хорватского языка у нас нет до сих пор исторического словаря¹⁹ в полном смысле этого слова, нет также словаря сербских говоров; не лучше обстоит дело и с турецким языком, для которого также нет ни исторического словаря²⁰, ни словаря турецких говоров на Балканах²¹. Хотя наши работы в этом плане являются еще предварительными, нам хотелось бы показать на примере нескольких заимствований, как мы представляем себе построение статьи в этимологическом словаре турецких заимствований в сербско-хорватском языке, и тем самым доказать, что уже сегодня мы в состоянии сказать больше о турецких заимствованиях в сербско-хорватском языке, чем это сделано в работах, написанных до сих пор.

абер (1759), **абар** (1781), **хабер** (1818), диал. (цермничское) *ѡабѣр*, (кос.-мет.) *абер* || *абѣр* 'весть; известие; слух'. — Производные слова: *абѣрница*, (*х*)*абѣръача* (уст.) 'сигнальная пушка или ружье', (*х*)*абрдноша* (уст.), диал. (Дучаловци — Сербия) *аброндсач* 'почтальон; разносчик слухов', (Босния и Герцеговина, далее — БГ) *хаберница* 'женщина, которая разносит слухи', (Черногория, далее — ЧГ) *аберити*, *абѣрисати* 'сообщить, сообщить; поручить, поручать'.

¹⁹ См. в сн. 14 мои замечания о Словаре Югославской Академии наук, изданном в Загребе, как историческом словаре.

²⁰ До известной степени таким словарем можно считать словарь, изданный «Обществом турецкого языка»: «XIII Asırdan günümüze kadar kitaplardan toplanmış tanıklarıyla tarama sözlüğü» («Словарь слов, собранных из книг с XIII в. до наших дней, с примерами»), I—II. Изд. 3. Анкара, 1957.

²¹ Большой семитомный словарь турецких говоров («Türkiyede Halk ağzından Söz Derleme Dergisi», I—VII. İstanbul, 1941—1957) и двухтомный словарь анатолийских говоров (M. Zübeyir — I. Refet, H. Köşay — O. Aydın. Anadilden Derlemeler, I—II. Ankara, 1932—1952) мало полезны для нас в этом отношении, потому что они не учитывают турецких говоров на Балканах.

Этот турцизм является общебалканским, ср.: болг. *xabér* 'весть, известие; новость', диал. *abér* 'сообщение'; макед. диал. (Сухо и Висока) *xabér* 'распоряжение', (н.-вард.) (*h*)*abér*, (макед.-алб.) *ábar*, (южн.) *xabar* || *xaber* 'весть, известие; сведение; новость'; рум. *habár*, *habér* 'представление, понятие; забота, беспокойство', диал. (куц.-вл.) *χαμπάρε* 'весть'; алб. *habér* 'весть, известие, сообщение; новость'; н.-греч. (разг.) *χαμπάρι*, *χαμπέρι*, диал. (Адрианополь) *χαβάρι*, *χαβέρι* 'новость; сообщение'; евр.-исп. (Битолах) *haber* 'новость'.

В работах, написанных до сих пор, этот балканский турцизм объясняется как заимствование из совр. тур. *haber* (≤ араб. *haber*). Но если это так, тогда мы должны объяснить: 1) колебание *a ~ e* в формах (*x*)*ábar* ~ (*x*)*áber* и 2) отсутствие или присутствие начального согласного *x*.

Нам кажется, что мы имеем дело не с одним, а с двумя (или даже тремя) заимствованиями. Во-первых, формы с гласным *-e-* заимствованы из ср.-тур. *haber*, в котором не совершилась ассимиляция гласных: араб. *a ... e* не изменилось в тур. *a ... a*; возможно, что заимствование совершилось из литературного, а не разговорного языка. Во-вторых, формы с гласным *-a-* надо объяснять как заимствование из ср.-тур. формы *habar*, в которой совершилась ассимиляция гласного: араб. *a ... e* ≥ ср.-тур. *a ... a*. Такую форму мы встречаем уже в турецких текстах Георгиевича 1544—1548 гг.: *habar* 'новум' (Georg. § 21). В-третьих, надо объяснить отпадение начального согласного *x*. Вопрос здесь сложнее, потому что это явление могло совершиться в сербско-хорватском языке (как и в других балканских языках), в говорах которого оно очень распространено, или уже в среднетурецком разговорном языке на Балканах, где и до сих пор это слово встречается без начального согласного *h-*, например *aber* (Михайловград — Болгария) 'весть' (ALH XI, 1961, 374). Возможно, что отпадение начального *h-* в среднетурецком языке совершилось под влиянием соседних славянских говоров, и лишь только тогда было заимствовано славянскими языками. Но мы не в состоянии это решить.

Л и т е р а т у р а: Miklosich TE 34, 306; Miklosich 84; Budmani RJA I 543; Бакотић 1317; Klaić RSR 468; Елезовић РКМД I 2; Škaljić ТВН I 300; Младенов I; Дмитриев ДАН, сер. В, 1928 18; Berneker 380; Lokotsch 763; Sainéan, «Romania» XXI 1902 565; Crews RJE 230, nr 727; Tiktin II 712; Cioranescu 388; Nikolaïdos EI 585; Andriotis 291; Ronzevallo ET 299.

áргатин (1649) 'поденщик; батрак'. — Производные слова: *аргаташ* (1874), *аргатач* (1888), *аргатар* || *áргатár* (1863), диал. (Банат) *áргатнйк*, (Лика) *аргетár* || *áргетár* 'поденщик; батрак'; *áргатка* (1907), *áргатица* (1932), диал. (Мостар) *áргаткиња* 'поденщица; батрачка'; *áргаче, -ета* (1921) 'батрачонок'; *аргата́рскй* || *áргатáрскй* (1865) 'относящийся к батраку; принадлежащий

яблук'; *бѣгиница*, *бѣгиња* 'жена бея', *бѣговина* (1886) 'земля бея, имущество бея', *бѣговство* (1900) 'достоинство, должность, имущество бея', (1869) 'сословие беев', *бегдвѣт* (1913) 'сословие беев', 'власть беев', *бѣговић* (1898), *бѣгић* 'сын бея, потомок бея', *бѣгов*, *бѣговскѣй*, *бѣговићкѣй* (1947) 'который принадлежит бею, который относится к бею', *бегдвѣти* 'исполнять власть бея, быть беем'.

Кроме того, в старых сербско-хорватских текстах это слово встречается в турецких заимствованиях, где выступает как второй член сложных образований, например: *ешебег* (1468), *аиазбег* (1471), *самчак-бег* (1480), *беглербег* (XVI в.), *еминбег* (1534), *алаибег* (начало XVIII в.).

Это заимствование известно также во всех балканских языках: болг. *бег* (зап.), *бей* (вост.) 'мелкий вассальный князь в султанской Турции; господин'; макед. диал. (макед.-алб.) *beg* 'турецкий господин', (южн.) *бег*, *бей* 'князь, дворянин; бей, титул знати и высшего офицерства', *беофка* 'жена бея', (Сухо и Висока) *běj* 'звание для турок-помещиков', (Сухо) 'трутень'; рум. *běi(u)* 'турецкий бей; (ирон.) господин'; алб. *bej* 'бей (турецкий титул); помещик'; ср.-греч. $\mu\acute{\tau}\epsilon\eta\varsigma$, $\pi\acute{\epsilon}\chi$, н.-греч. $\mu\acute{\tau}\epsilon\eta\varsigma$, $\beta\acute{\epsilon}\eta\varsigma$, диал. (Адрианополь) $\beta\acute{\iota}\iota\varsigma$ 'турецкий господин'; евр.-исп. (Скопле) *bey* 'господин (титул)'.

Обыкновенно это слово объясняют как заимствование из тур. *bey* или *beg*, не делая никаких различий между этими двумя формами, а ведь они хронологически не тождественны. Форма *bey* современна и развилась из ср.-тур. *beg* в результате перехода конечного *-g* в *-y*. Среднетурецкая форма *beg* хорошо засвидетельствована в турецких транскрипционных текстах, ср., например: 1450 г.: *beg* (Mühl. IV 268), *beglerbegi*, вин. п. ед. ч. (Mühl. IV 271); 1544—1548 гг.: *beg*, *begligidir* (Georg. § 23); 1551 г.: *beg* (Sul. 6), *begi*, вин. п. ед. ч. (Sul. 7); 1553 г.: *begler*, *beky* (Dern. 139). В современных западнорумелийских говорах это слово также встречается еще с конечным *-g*, а не *-y*, например: *beg* (Кюстендил и Михайловград — Болгария) 'господин', но уже мн. ч. *beyler* (ALH XI 1961 311).

Поэтому балканские языки представляют два пласта хронологически различных заимствований:

1) из ср.-тур. *beg* происходят: с.-хорв., болг., макед. диал. *бег* и ср.-греч. $\pi\acute{\epsilon}\chi$;

2) из совр. тур. *bey* происходят: болг., макед., диал. *бей*, рум., алб., евр.-исп. *bej*, ср.-греч. $\mu\acute{\tau}\epsilon\eta\varsigma$, н.-греч. $\mu\acute{\tau}\epsilon\eta\varsigma$, $\beta\acute{\epsilon}\eta\varsigma$.

Литература: Andriotis 152; Георгиев 40; Cioranescu 75; Crews RJE 268, nr 1296; Daničić RJA I 224; Dizdari BUT 4 1961 171; Klaić RSR 149; Lokotsch 282; Marinković 306; Младенов 20; Miklosich 9; Miklosich TE 34, 260; Ronzevalle ET 264; Škaljić ТВН I 89; Tiktin I 174; Triandaphyllidis LMV 148.

бўнар, диал. (Карашево) *бўнар* (1577) 'колодець', (1614) 'источник', (1851) 'глубокая яма, в которой хранят деньги', в говоре

престушиков также 'карман'. — Производные слова: *бунàрина* 'большой колодец', *бўнàрка* 'растение *Montia fontana*', *бўнàрскї* 'колодезный'.

Этот турцизм встречается также, хотя и редко, в других балканских языках, ср.: болг. *бунàр* 'колодец', макед. *бунар*, диал. (п.-вард.) *binàr*, (южн.) *бунар*, *бонар*, (макед.-алб.) *búnar* 'колодец', (Сухо и Висока) *binàr*, *binar* 'ручей; колодец', *бунарски* 'колодезный', алб. *binàr* 'колодец; источник'.

В работах по турецким заимствованиям в сербско-хорватском языке слово это объясняется как заимствованное из тур. *binar* || *binar*. В основном такая этимология правильна, хотя она нуждается в дополнительных объяснениях. В современном турецком языке слово это не выступает в форме *binar* || *binar*, а только в форме *pinar*. Форма *binar* встречается в современных турецких говорах на Балканах, ср.: (Скопье) *binar* 'источник' (RO XXIII 1959 86). В среднетурецких текстах мы встречаем это слово в другой фонетической форме, а именно с совершенной ассимиляцией *u . . . a ≥ i . . . a*: *bīyar*, например: XIII в.: *bīyar* (SV I 44), ±1330 г.: *byyar* (KD 115) 'колодец; источник'. Поэтому с.-хорв. (и балк.) *бўнàр* надо выводить из ср.-тур. диал. (зап.-румел.) **binar*, засвидетельствованного косвенно ср.-тур. *bīyar* и совр. диал. *binar*.

Литература: Бакотић 79; Daničić RJA I 734; Klaić RSR 187; Škaljić TBH I 120; Miklosich TE 34, 269.

дегèнек (уст.), *дeндeрeк* 'удар палкой'. — Производные слова: *дегèнeчити* 'бить палкой; дубасить', *извўћи дeгèнeк* 'быть битым'.

Это, кажется, только сербско-хорватский турцизм; по крайней мере нам не удалось найти его в других балканских языках.

С.-хорв. *дегèнек* заимствовано из ср.-тур. *degenek*, а не (как пишет Будмани — RJA II 331) из тур. *degenek* или (Клаич — Klaić RSR 244) из тур. *degnek*. Ни один из авторов не определяет ближе, в каком смысле употребляет он термин «турецкий»; мы не знаем, думает ли он о современном или среднем турецком языке. Нам хотелось бы заметить, что в современном турецком языке нет форм ни *degenek*, ни *degnek*, а только *değnek* (произносится *дейнек*). Поэтому если оба автора употребляют термин «турецкий» в значении 'современный турецкий язык', они делают орфографическую ошибку, мешая *g* с *ğ*, а вследствие этого не учитывают фонетического изменения ср.-тур. *-g-* в совр. тур. *-ğ-* (= фонетически *-x-* или *-ǰ-*). Но если думают о среднетурецком языке, тогда надо отметить, что в среднетурецком не было, насколько нам известно, формы *degnek*, а только *degenek*. Она хорошо засвидетельствована в турецких транскрипционных текстах, например: 1533 г.: *deghienêch* (Arg. I 22r); 1544—1548 гг.:

degeneg 'baculus' (Georg. § 23). В пользу среднетурецкого происхождения с.-хорв. *дегѣнек* выступает фонетика этого турцизма, а именно: 1) сохранение ср.-тур. *-g*²²; 2) присутствие гласного *-e-*, которого нет в совр. тур. *değnek*.

Литература: Budmani [RJA II 331; Klaić RSR 244; Miklosich TE 34, 282.

јардум (1768, Босния) 'помощь', *јардѣм*, род. п. *јардѣма* (кос.-мет.) 'помощь, которую оказывают молодой невесте ее подруги при приготовлении свадебных подарков'.

Среди балканских языков этот турцизм встречается еще только в болгарских говорах: *јрдѣм* 'помощь'.

В этимологических работах с.-хорв. *јардум* || *јардѣм* выводят обыкновенно из тур. *yardım*, но не объясняют различия между формой с *-y-* и формой с *-ь-*. Это различие хорошо объясняется тем, что эти две формы представляют две различные турецкие формы, а именно:

1) с.-хорв. *јардум* — это заимствование из ср.-тур. *yardum*, хорошо засвидетельствованного в среднетурецких транскрипционных текстах, например: 1533 г.: *yardum* (Arg I 25^r); 1544—1548 гг.: *yardum* 'auxilium' (Georg. § 15); 1551 г.: *iardum* (Sul. 28); 1611 г.: *iardum* (Fer. 131^a);

2) с.-хорв. диал. (кос.-мет.) *јардѣм* и болг. *јрдѣм* происходят из совр. тур. *yardım*, в котором совершилась негубная ассимиляция: *a . . . i* ≥ *a . . . i*.

Литература: Budmani RJA IV 468; Елезовић РКМД I 254; Klaić RSR 566; Škaljić ТВН I 393; Miklosich TE 34,316.

ка̀рван (1398), *ка̀рвана* (1423) *ка̀рва̀н*, диал. (кос.-мет.) *ка̀рван* 'караван; транспорт'. — Производные слова: *ка̀рва̀нски* 'караванный', *ка̀рва̀нски спана̀ћ* (бот.) 'дикий шпинат'.

В балканских языках встречаются следующие формы: болг. *керева̀н* 'караван', *керева̀нец*, *керева̀нче*, уменьш., *керева̀нка* 'некая звезда', *керева̀нски* 'караванный'; макед. *карван* || *керван*, диал. (макед.-алб.) *kárvan*, (южн.) *кирван*; рум. *chervan* 'большой крестьянский воз; караван', диал. (макед.-рум.) *cárvane* 'караван', *cárvănar* 'погонщик верблюдов'; алб. *karvân* 'караван; большое количество, множество'; ср.-греч. *κάρβάνιον*, н.-греч. *καρβάκι* 'караван'.

Обыкновенно объясняется как заимствование из тур. *karvan* или *kervan*, без учета каких-либо хронологических отношений.

²² Здесь надо подчеркнуть, что большинство сербско-хорватских турцизмов очень хорошо сохраняет среднетурецкий согласный *g* в середине или в конце слова. См. также примечания Г. Хазаи в его статье (указ. соч., стр. 122—124).

как 'Widerstandsbrecher, ломающий сопротивление', тогда как

слово сближалось также уже с названным литовским, но этому сближению придавался совсем иной смысл. Что касается литовского слова, то оно явилось объектом довольно многочисленных этимологий, в которых оно рассматривалось как ископное образование по большей части¹²⁹. Между тем все эти этимологии оставляют довольно явное впечатление искусственности и неправдоподобия, так как оперируют всякий раз незасвидетельствованным в балтийском корне или значением в качестве основного аргумента. Ни польское, ни литовское слова не удастся вероятно объяснить местными языковыми средствами. Мы считаем, что и польск. *roczwara*, и лит. *aitvaras* были заимствованы из ир. **pati-vāra-* или его местных разновидностей. Главное, что объединяет польское слово с литовским, — это общая исходная иранская форма. Далее следует ряд различий, свидетельствующих о независимости, разновременности и, возможно, разной диалектной иранской основе форм, давших то и другое слово. Польск. *roczwara* может объясняться не из формы древнеиранского типа **pati-vāra-*, выведенной нами выше, а из формы «древнеосетинского» типа, претерпевшей изменение, ассибиляцию *ti > c(i)*¹³⁰, иными словами, польск. *roczwara* отражает восточноиранское диалектное (скифо-сарматское) **pacvara* / **facvara*. Праслав. диал. (прапольск.) **ročvara* мы объясняем как заимствование из ир. **pacvara*, причем *-cv-* было передано в славянском как *-čv-*, очевидно, ввиду невозможности в праславянской фонетике твердого *-cv-* или вообще *-cv-* вне строго определенной позиции. Литовское слово известно в вариантах *aitvaras*, *aitivaras*, *aičvaras*, каждый из которых представляет для нас интерес. Прежде всего последний вариант в какой-то мере близок к праслав. диал. **ročvara*, польск. *roczwara* и, видимо, отражает ассибилизированное ир. *ti > c*, которое, кстати, вполне закономерно было воспринято литовскими диалектами как *č*, аналогии чему мы видим в многочисленных примерах передачи слав. *-c* как *-č* в литовском, ср. лит. *baznỹčia* 'церковь, костел' < вост.-слав. *божница* или польск. *bożnica* и др. Общий не вполне ясный момент, распространяющийся на все литовские варианты нашего слова, это — отсутствие *p-* в начале слова (видоизменение слова ввиду его «опасности» по мотивам табу?). Из прочих вариантов нам представляется самым авторитетным наиболее «полный» вариант *aitivaras*, который, с упомянутыми оговорками, можно считать заимствованием из достаточно древнего иранского прототипа **paiti-vara-*. Сведения, которые нам предоставляет литовское слово, довольно поучительны и ценны для суждения об иранском слове. Это, во-первых, — хорошая

¹²⁹ См.: F r a e n k e l I, стр. 4.

¹³⁰ См. примеры: А б а е в. ОЯФ I, стр. 214.

сохранность древнеиранской формы префикса, который был, по-видимому, ударным, судя по месту ударения литовского слова; во-вторых, это — отражение эпентезы в иранском первоисточнике: *pati-* > *paiti-*, прослеживаемое во всех литовских вариантах. О реальности реконструкции на описанных основаниях вост.-ир. диал. **pāiti-vara-* говорит поведение сложений с *pati-* в дошедших до нас восточноиранских языковых памятниках. Так, в хотансакском ир. *pati* эволюционирует очень различно в зависимости от ударения. Будучи проклитикой, оно подвергается стяжению в *pa*, *pi*, а под ударением иногда сохраняется полностью, ср. *patitsā*¹³¹. Разнообразные видоизменения испытало ир. *pati* в осетинском, где чаще всего оно давало *fæ* < *fæi-*, а также *fī-* и *fet-* (с последующей ассимиляцией *t* соседнему согласному) < **pait-* < **pati-*¹³². Последняя деталь заслуживает упоминания, тем более что наблюдения над историей форм осетинского хорошо согласуются с реконструкцией иранского прототипа лит. *aitivaras* и одновременно убедительно свидетельствуют о неправильности мнения об отсутствии эпентезы в языке древних иранцев Северного Причерноморья. Так, Фасмер на основании изучения остатков языка этого населения в греческой эпиграфике считал, что в скифском нет эпентезы *-i-*, проведенной, например, в Авесте¹³³. Харматта со свойственным ему стремлением к несколько категоричным формулировкам утверждает следующее: «Среди древнеиранских языков можно указать на существование эпентезы *-i-* и *-u-* только в Авесте, и даже там она, вероятно, вызвана только небрежностью персидских и парфянских переписчиков»¹³⁴. В различных иранских языках достоверно известны примеры эпентетического перемещения названных звуков, поэтому процитированная формулировка опирается по меньшей мере на неполный материал, и вопрос нуждается в пересмотре, в частности применительно к восточноиранским и уже — скифо-сарматским диалектам.

Возвращаясь к восстановленному таким путем ир. **pati-vāra-*, обратим внимание на возможности его семантической реконструкции. Резервы этой последней заключаются в засвидетельствованных значениях польск. *roczwara* 'чудовище, злой дух, привидение, кошмар' и особенно лит. *aitivaras* — 'кошмар, летучий дух, змей, привидение, домовый'. Это позволяет нам восстановить ир. **pati-vāra-* со значением 'дракон, летучий злой дух' как лексический

¹³¹ S. K o n o w. Khotansakische Grammatik, стр. 65.

¹³² H. W. B a i l e y. Asica, стр. 12—13; В. И. А б а е в. Ист.-этимол. словарь I, стр. 431, 471, 475.

¹³³ M. V a s m e r. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven, I. Die Iranier in Südrußland, стр. 20—21.

¹³⁴ J. H a r m a t t a. Указ. соч., стр. 292.

вариант к ир. **vāra-*, **vṛθra-*, термин, обозначавший, по-видимому, с древних времен в примитивных иранских верованиях злого духа, мифического врага, чаще — в виде летучего дракона. Таким образом, славяно-иранские (и балто-иранские) изучения помогают обнаружить и восполнить лакуну в научных концепциях древней иранской религии. Поправка эта заключается в том, что в древней иранской религии существовал образ злого духа, врага в виде дракона под названиями **vṛθra-*, **vāra-*, **pati-vāra* и что термин **vāragna-*, *Vṛθragna-* имел также древнее значение 'бог-драконоборец'. Таким образом, пара терминов ир. **vṛθra- / *(pati)vāra : Vṛθragna- / vāragna-* соответствовала паре конкретных воплощений примитивного злого и доброго начала в мифологии. Констатируя древнее парное отношение терминов в иранском, мы не можем не указать на то, что, например, польский сохранил оба члена этой парной корреляции иранских мифологических персонажей и соответствующих названий: *roczwara* 'чудовище, злой дух, кошмар'—*raróg* 'хищная птица, сокол, сарыч'. С течением времени четкость противопоставления и первоначальные значения не могли не сгладиться, напротив, нельзя не выразить удивления по поводу того, как хорошо сохранились существеннейшие элементы древних значений, делающие реальной реконструкцию как славянских, так и иранских отношений. При этом зап.-слав. *rarogъ* всегда выступает с основным значением 'хищная, охотничья птица, стремительный сокол' (последнее лучше сохранено чешским), тогда как значение 'летучий дух, привидение, кошмар', вообще 'аморфное страшилище' по-прежнему сохраняется за его антиподом, хотя перед нами, повторяем, не живая корреляция, а остатки древнего отношения парных терминов. Вполне естественны при этом вторичные смещения терминов в иные семантические плоскости, ср. появление у самого *rarogъ* вторичных исторических значений 'домовой, дух' (особенно — у его варианта *rarach* в чешском). Интересно отметить, что наибольшая полнота элементов представлена в польском языке, который является единственным (в отличие даже от чешского и словацкого) обладателем обоих членов пары терминов иранского происхождения *roczwara*—*raróg*. За пределами польского мы уже не встречаем в славянском иранское название злого духа, врага. Ир. **pativāra*—**vāragna-* полностью отразилось в польск. *roczwara*—*raróg*, причем ясные следы мифологического употребления польских слов и соответствие их значений значениям иранских прототипов говорит о том, что дело не ограничивалось одним заимствованием слов, но целый сюжет древних иранских мифологических верований был во всем существенном позаимствован частью древних западных славян в эпоху интенсивных контактов с соседними древнеиранскими племенами. Значение

этого реликта древней духовной культуры и древнего словаря западных славян, поляков, трудно переоценить, тем более что оно выходит за рамки славистической проблематики и может быть использовано для реконструкции иранских отношений. Вероятность предложенной интерпретации славянских языковых фактов контролируется и подтверждается независимо с двух сторон — со стороны иранского материала (словообразование, терминология, мифологические представления) и со стороны балтийского материала. Из предыдущего изложения следует, что балтийский в результате самостоятельных общений с иранским тоже усвоил пару терминов ир. **pativāra* — **vāragna*-, отразив ее в виде лит. *aitivaras* 'летучий дух, змей' — *vānagas* 'ястреб'. Нет ничего удивительного в том, что славяне и балты заимствовали у иранцев одни и те же термины. Из одинаковости этих актов отнюдь не вытекает, между прочим, аргумент в пользу совместности данных актов у славян с балтами. Иначе говоря, у нас не больше оснований думать об этой совместности в данном случае, чем из факта одинакового иранского происхождения зап.-слав. *rarogъ* и арм. *Vahagn* делать вывод о совместности этого последнего заимствования для славян и армян. На эти факты целесообразно посмотреть изнутри, через призму их мифологической, поэтической, культурной значимости. Безусловно, решающую роль играло то, что яркий сюжет, или, вернее, целый цикл верований, преданий о драконоборце *vāragna*-, неизменно поражающем врага — летучее чудовище, производил сильное впечатление, и все, кто общался с древними иранцами, охотно усваивали и сохраняли эти верования и эти названия.

Среди материала западнославянско-иранских лексических общений есть и термины социальной организации, точнее — политические термины, которыми мы и закончим рассмотрение всей этой группы слов.

Польск. *pan* 'господин, хозяин, владелец', чеш. *pán* то же, др.-чеш. *hrán* (несколько примеров), словц. *pán* 'господин, хозяин, барин' бытуют, как видим, в том же кругу языков, которыми мы привыкли оперировать в известных выше примерах. Их распространение было первоначально, безусловно, ограничено польским и чешско-словацкой группой. Укр., блр. *pan* (не говоря уже о русском литературном и просторечном *пан*) 'господин, (польский) барин' заимствовано из польского, оттуда же и лит. *põnas* 'господин, пан'. В.-луж. *pan*, фигурирующее, например, в песенных текстах XVIII в., совершенно явно ведет себя как неисконный элемент, заимствованный относительно недавно, вероятно, из чешского. Любая попытка реконструкции древней формы польского и чешско-словацкого названия господина должна считаться с древнечешской формой *hrán* (XIII в.), в соответствии с которой целесообразно рекон-

струировать локальное праславянское **gъranъ*. Поэтому этимологизация слов *pan*, *pani* (чеш. *pani*) в связи с греч. *πότμα*, др.-инд. *pātnī*¹³⁵, как и вообще в связи с общеславянским по распространению словом *gospodъ*, представляется затруднительной как в формальном отношении, так и ввиду выразительной локальности польск. *pan*, чеш., словц. *pán*. Другая этимология или, по меньшей мере, две различные этимологии связывают польск. *pan* (и родственные) с таким административным термином, как ст.-слав. (Супр.) *жоупанъ*, болг. *жупан*, др.-серб. *жупанъ*, сербохорв. *жупан*, словен. *župan* 'наместник, начальник округа', чеш., словц. *župan* то же. При этом одна этимология исходит из понимания этого последнего слова как заимствованного аварско-тюркского термина и соответственно слова *pan* — как сокращения от того же титула¹³⁶. Другая этимология также связывает зап.-слав. **gъranъ* с южнославянским *жупан*, но видит в последнем исконный элемент, связанный чередованием гласных (**gŷ*- : **geu*-) с **gъranъ*¹³⁷. Заранее сделаем оговорку, что мы здесь не рассматриваем этимологию слова *жупан*, считая его совершенно особым по происхождению и не связанным с нашим материалом. Тем не менее мы вынуждены касаться этого слова в связи с отдельными вопросами. Нам кажется прежде всего, что отсутствует связь между словом *župan* и польск. *pan*, чеш., словц. *pán*. Изучая историческое и современное употребление того и другого названия, мы констатируем, что польск. *pan* никогда не употребляется как обозначение функционера, должностного лица, это же можно сказать и о чеш., словц. *pán*. В то же время *župan* — это исключительное название государственного чиновника, наместника, административного начальника. Если, далее, говорить об ареалах обоих слов, то упомянутого административного титула, по-видимому, никогда не знал польский язык, являющийся вместе с тем классическим ареалом слова *pan* 'господин'. Можно думать, что и в чешском и словацком термин *župan* явился запесенным извне элементом, ср. опять-таки четкое отличие употребления слов *župan* 'начальник, наместник' и *pán* 'господин, хозяин', а также количественное отличие *župan* (с краткостью) и *pán* (с долготой), неясное с точки зрения этимологии *župan* > *pán*. Все говорит о том, что оба слова не связаны друг с другом, поскольку они обнаруживают ряд принципиальных особенностей, очевидно древних и не сводимых к начальному единству. Версия о родстве зап.-слав. **gъranъ* и *župan*, согласно которой между ними предполагается отношение аблаута (см. выше — Фасмер), подкрепляется срав-

¹³⁵ М а с h e k, стр. 351—352.

¹³⁶ В r ŷ c k n e r, стр. 393.

¹³⁷ V a s m e r I, стр. 432; II, стр. 308.

нением с др.-инд. *gorā* 'пастух, хранитель' и производными глаголами. Поскольку последнее имя означает, в сущности, 'коровий пастух', логично было бы видеть в славянских вариантах гъ:žu- отражения и.-е. *g^hōu-*. В отношении варианта *gъ-* мы еще скажем об этом специально ниже. Что касается *žu(pan)*, то упомянутое индоевропейское название крупного рогатого скота, богато засвидетельствованное во всех индоевропейских языках, нигде не обнаруживает как раз ступени **g^heu-*, о которой единственно можно было бы говорить в данном случае. Все сказанное сильно дискредитирует мысль об исконном родстве **gъranъ* и *župan*. Несколько особый вариант исконно индоевропейской этимологии слова *župan* (не отличаемый, правда, Фасмером по недосмотру от предшествующего ее варианта) видит в *župan* производное от исконно славянского *žira* 'копь', 'могила, надгробие', но в древность такого производного на славянской почве верится с трудом. Не входя в детали, мы полагаем, что слово *župan* попало в некоторые славянские языки извне, причем пока целесообразно сохранить также уже известную версию об аварском происхождении данного административного титула. Его ареал со временем расширился, но первоначально он, наверное, более или менее совпадал с Паннонией, подвластной аварскому каганату, — местом обитания части древнеславянских племен. Таким образом, чем ближе мы подходим в реконструкции к собственно праславянскому периоду, тем дальше расходятся западнославянское название господина и южнославянское (паннонское?) название наместника *župan*, почему мы считаем себя вправе, говоря о более древней судьбе западнославянского слова, оставить название *župan* в стороне.

Праслав. диал. **gъranъ* (польск., чеш., словц.) мы объясняем как заимствование из ир. **gu-pāna-* / **gau-pāna-*, ср. афг. (пушту) *γōbā* 'коровий пастух', буквально — 'хранитель скота'¹³⁸. Иранское слово представляет собой совершенно прозрачное сложение со вторым компонентом *-pāna-* 'защита, защитник, хранитель'. Сложения с этой основой исключительно популярны с древности во всех иранских языках. Ср. авест. *rəšū-pāna-* 'хранитель моста', *šōiθrō-pāna-* 'страж жилища', др.-перс. *xšaça-pāvā* 'сатрап, наместник, правитель', согд. *'rspan *arspān* 'хозяин', *'γōšp'n*, христианско-согд. *xōšp'n *xšupān* 'пастух' < ир. **fšu-pāna-*, согд. (с горы Муг) *prdyzp'n *pardezpān* 'начальник парка, заповедника', афг. (пушту) *špə, špūn* 'пастух' < **fšu-pāna-*, ср. н.-перс. *šubān* то же, йидга-мундж. *xal'fān, xalifōn* 'кожаный мешок для муки' < **hwarθa-pāna-*; *xəš(u)wān, xušwan* 'пастух', сангличи-ишкашим. *čəpān* 'пастух', вахан. *špūn*

¹³⁸ См. о последнем: G. M o r g e n s t i e r n e. An etymological vocabulary of Pashto, стр. 14.

‘пастух’, язг. *šarīn*, шугн. *šəbōniš*, рушан. *šabānuš*, бартанг., орошор. *šəbānuš* ‘пастух’, ягн. *aṅgušpāna* ‘наперсток’, буквально — ‘хранитель пальца’, парачи *xiwān* ‘пастух’, ормури *šwān*, *šurān* то же. Эти иллюстрации, выбранные нами из словарей и списков слов ряда иранских языков и диалектов, показывают употребительность таких названий в восточноиранских языках. Названия, правда, несколько однообразны, или, скорее, одноплановы, но это вполне определяется семантикой организующей их основы *-pāna-* ‘охрана, хранитель’, хорошо известной и в свободном употреблении, ср. авест. *pāna-* ‘покровительство, защита’ и современное слово в восточноиранском языке ормури *rōp* ‘крыша’. Одноплановость перечисленных иранских примеров выражается в том, что они почти все — имена деятеля, причем как правило — названия пастуха, восходящие к ир. **fšu-pāna-* ‘хранитель скота’ (ир. **gau-pāna-* ‘хранитель крупного рогатого скота’ также засвидетельствовано в восточноиранском, но встречается реже, — см. выше). К этим именам деятеля примыкают приведенные выше названия хранилищ, предметов, наконец, свободное употребление слова *pāna-* ‘защита’ (Авеста), восходящее еще к индоиранскому. С другой стороны, названиям деятеля ир. **gau-pāna-*, **fšu-pāna-* соответствуют в древнеиндийском однородные сложения с более архаичной простой основой *-pā-*: *gopā-*, *paśupā-*, ср. столь же архаичное арм. *hoviw* < **ovi-pā-* ‘овечий пастух’. Имена деятеля **gau-pāna-*, **fšu-pāna-* представляются, таким образом, характерными иранскими формами. Письменные следы языка скифов и сарматов на редкость скупы в отношении интересующих нас форм. Можно упомянуть проблематичные имена Πάβαζ (< **pāvan-*?), Σόπανος, Ὑπανος¹³⁹, из которых Σόπανος объясняется как генетив от греческого имени Σώπαν, наряду с Πάνσως¹⁴⁰. Ир. **gau-pāna-*, упомянутое нами выше, не сохранилось в известных остатках языка скифов и сарматов, но возможность его употребления в этих иранских диалектах весьма реальна. Известно, что скифы знали ир. *gau-* ‘корова, бык, крупный рогатый скот’, ср. имена Γάος, Ἀγαοί¹⁴¹. Совершенно вероятно, что в их языке употреблялись и имена деятеля типа сложений с вторым компонентом *-pāna-*, ср. предложенную выше, в разделе III, этимологию болг. *stonānin* из ир. **asta-pāna-* из позднескифо-сарматского языка иранцев, пришедших с булгарами-тюрьками. Наконец, скифы и сарматы должны были знать и иранскую основу **pā-* ‘хранить, защищать’, о чем говорят различные указания, одно из них дает этимология польск.

¹³⁹ M. V a s m e r. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven, I. Die Iranier in Südrußland, стр. 47, 53, 54.

¹⁴⁰ L. Z g u s t a. Указ. соч., стр. 412.

¹⁴¹ А б а е в. ОЯФ I, стр. 166.

patrzyć, сообщавшаяся выше. Как и в вопросе о происхождении слова *patrzyć*, в настоящей этимологии большое значение придается сравнению предпочтительных сочетаний древней основы **pā-* с формантами в славянском и иранском. Тогда как в славянском, на что уже обращалось внимание выше, можно говорить об отражении лишь и.-е. **pā-s-* (наряду с юж.-слав. *raz-*; которое еще ждет объяснения), в иранском как раз слабо отражены эти сочетания, в то время как господствующим является употребление чистой архаической основы **pā-* без детерминативов, совершенно неизвестное славянскому. Основа **pā-* выступает в иранском в древних именных производных с формантом *-tr-* (о чем — выше), с формантом *-na-*. Ни одного из этих образований славянский не знает. Все это заставляет нас считать заимствование праслав. диал. **gъranъ* из ир. **gūrāna-* / **gaupāna-* единственно возможной этимологией польского и чешско-словацкого названия господина. Может показаться на первый взгляд непреодолимой диспропорция значений сближаемых слов: слав. 'господин' — ир. 'пастух, хранитель скота', однако знакомство с воззрениями древних иранцев, их системой понятий развеивает эти сомнения. Скот, особенно крупный рогатый скот, был основой материального благосостояния древних иранцев — как оседлых земледельцев, так и в еще большей степени кочевников. Охрана скота мыслилась, естественно, в связи с этим как первый долг любой власти. Не случайно легендарный царь Согдианы и Хорезма носил имя *Gōpat* 'хранитель скота'¹⁴². Специальное божество, восходящее еще к дозаратустровской древнеиранской религии — создатель скота (авест. *gāuš tašan*) — заботится о быках и коровах и заступает за них. То, что вменялось в обязанность богу, было самым священным и почетным делом для каждого земного владетеля, господина и государя. Зап.-слав. **gъranъ* 'господин', кроме иранской формы и структуры, сохранило также след типично иранского взгляда на власть, обеспеченную материальными ценностями. Мы хотим сказать, что значение 'господин' определилось у прототипа слав. **gъranъ* еще на иранской языковой почве. Совершенно закономерно, что эту семантико-терминологическую эволюцию проделало именно слово **gūrāna-* 'пастух, хранитель быков', а не **šūpāna-* 'пастух мелкого скота, овец'. Последнее, напротив, оказалось чрезвычайно удобным для того, чтобы дать наиболее популярное и, так сказать, классическое название пастуха, чабана в среднеиранских и новоиранских языках, приобретенное, не без участия тюркских народов, известность далеко за пределами иранского мира.

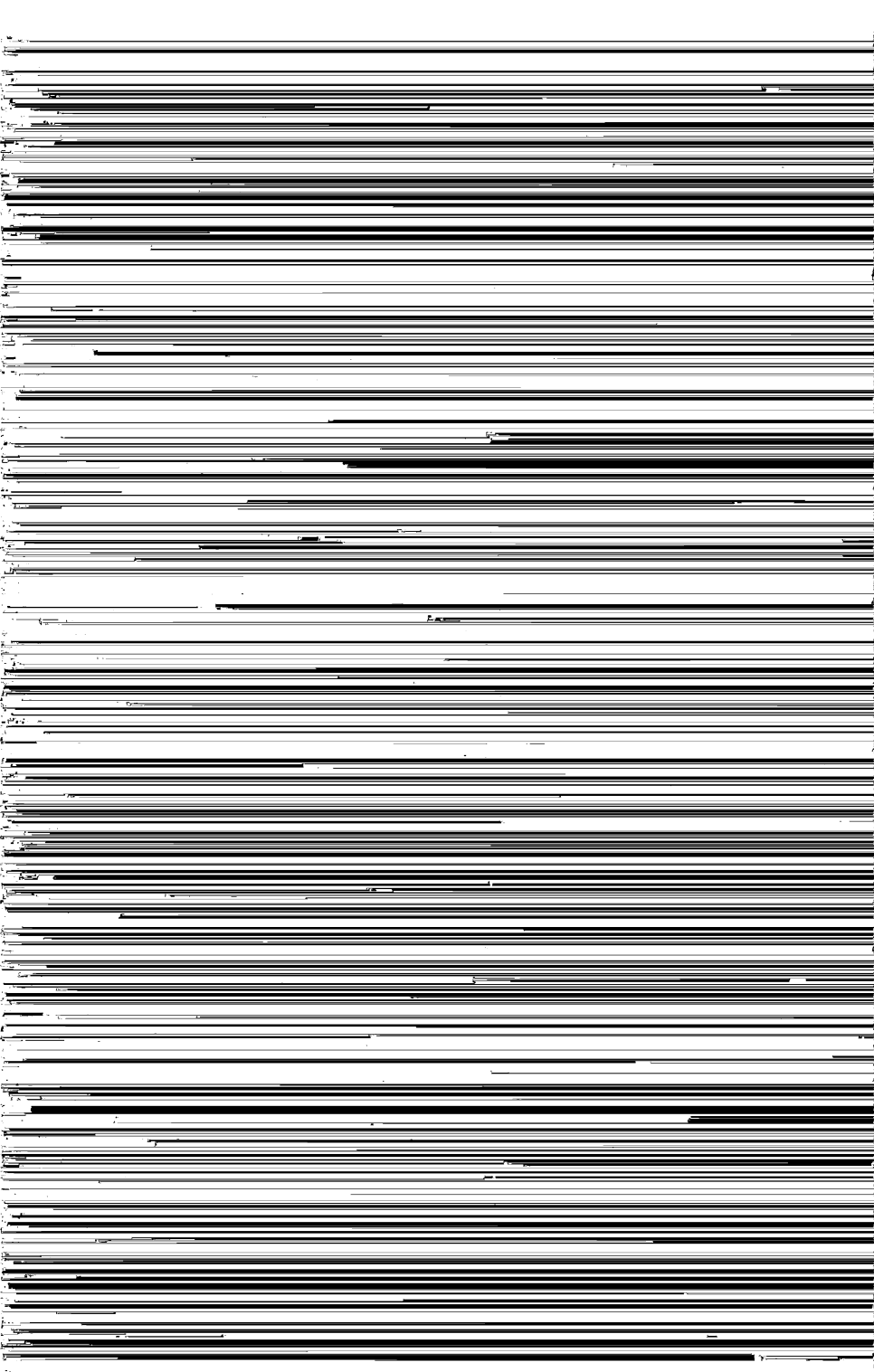
¹⁴² В. И. Абаев. Скифский быт и реформа Зороастра. — АО XXIV, 1956, стр. 48—49.

После того как мы разобрали термин, обозначающий господина, носителя власти, уместно сказать о названии исполнителя суда этой власти, которое в некоторых западнославянских языках также было заимствовано, вероятно, из иранского.

Польск. *kat* 'палач, исполнитель судебных приговоров', известное с XV в., имело также значения 'лихо, горе, черт', представленные до сих пор в диалектах; чеш. *kat* (с XIV в.) то же, словц. *kat* 'палач'. Укр., блр. *kat* заимствовано из польского. Польское и чешско-словацкое название палача, экзекутора является, по всей видимости, старым словом, поэтому считать его жаргонным заимствованием позднего типа едва ли можно. Обычно считают его словом с неясной этимологией. Сближение с русск. *катать*, польск. *kaszać, kocić*, др.-чеш. *káčeti*¹⁴³ допустимо, если исходить из концепции, что слово *kat* возникло с самого начала как обозначение пыточного мастера, и при том особой специализации — колесователя. Однако наличие значения 'колесовать' у славянского глагола *katati* по меньшей мере не доказано, производное от него имя деятеля *kat* тоже не очень вероятно, кроме того, в чисто внеязыковом плане изощренная пытка на колесе, типичная для западноевропейского средневековья, попросту была, скорее всего, чужда праславянам. А засвидетельствованное практически с самого начала письменной истории польск., чеш., словц. *kat* есть основание считать термином праславянской эпохи. Мы видим в праслав. диал. **katъ*, известном только западнославянским языкам, заимствование из иранского, ср. авест. *kāda-* 'возмездие (на страшном суде)'. Такое сближение уже выдвигал Коржинек, но он придавал ему совершенно другой смысл, видя в слав. *katъ* древнее имя деятеля с суффиксом *-t-* от и.-е. **k^uei-* / **k^oō(i)-* 'мстить, наказывать, каяться, нести наказание', откуда слав. *сѣна, kajati se*¹⁴⁴. Внешне правдоподобное, это объяснение представляет собой, однако, весьма проблематичную гипотезу. Мы можем считать лишь с реальным фактом наличия в славянском детерминированных вариантов упомянутой древней основы — **koi-* / **ka_i-*. Предположение о том, что славянский сохранил еще и более древнее **ka-* без детерминатива, менее вероятно. С другой стороны, иранский, бесспорно, знает оба варианта основы, ср. авест. *kaua-* 'каяться, мстить', но *kāda-* 'возмездие'. Иранское отношение *kā-:kau-* в принципе напоминает известное опять-таки в иранском отношении *rā-:rau-*. В обоих случаях здесь сохраняются древнейшие недетерминированные варианты основ *kā-*, *rā-*, в чем проявляется большая архаичность индоиранского сравнительно со славянским. Точно так же парность

¹⁴³ См.: S ł a w s k i II, стр. 98—99 (с литературой); M a c h e k, стр. 195 (*kat* = *chvat*).

¹⁴⁴ J. M. K o ř í n e k. — LF LVII, стр. 347.

сильные южнославянские связи чешского, ср. отношения праслав. диал. **trajati*—**trъvati*, рассмотренные нами выше.

Этимология преимущественно польских слов (из них большинство этимологизируется нами заново) и интерпретация их группового свидетельства явилась одной из главных целей настоящей работы по славяно-иранским лексическим отношениям. Выявление иранских элементов или соответствий иранским формам в польском словаре было возможно, естественно, на основании доступных автору сведений о лексике иранских языков. Обобщение лингвистических показаний иранских связей привлеченных

